

Дневникъ и воспоминанія кievской студентки

I

Дневникъ

1919 г.

6-го февраля. Сегодня вступили въ городъ большевики. 3 дня у насъ было безвластіе, такъ какъ украинцы уже заблаговременно отступили. Слава Богу, что обошлось безъ прошлогоднихъ боевъ. Надѣюсь, что прекратится вѣчная стрѣльба по ночамъ и вообще не будетъ отвратительной украинской анархіи. Н. П. совершенно права: ужъ лучше одинъ чортъ, но, чтобы сидѣлъ крѣпко. Большевики такъ большевики. Вѣчныя перемѣны власти могутъ съ ума свести. Которое это у насъ правительство, начиная съ 1-го января 1917 г.? Царское, временное, рада, большевики, рада, гетманъ, директорія, теперь снова большевики. Большая часть знакомыхъ бѣжала. Я была противъ бѣгства. Что могутъ сдѣлать тихимъ, смиреннымъ людямъ, которые никого не трогаютъ и политикой не занимаются. Понятно, что «Протофисъ» и «Суозифъ», а также члены украинскаго п-ства не могли остаться. Но у остальныхъ это просто паника.

7-го февраля. Новая власть рьяно принялась за дѣла. Лучшія квартиры отводятъ для постоевъ богунцевъ и еще какого-то полка; хозяева должны кормить солдатъ, которые ведутъ себя болѣе чѣмъ грубо, самовольно дѣлаютъ обыски, требуютъ бѣлья, одежды. Въ домъ Гинабурга, что на Институтской, вселили такимъ образомъ 400 солдатъ. Въ теченіе 3-хъ—4-хъ часовъ, они превратили домъ въ какой-то хлѣвъ. Они спуютъ по лѣстницѣ, звонятъ поминутно въ квартиры и все время носятъ на спинѣ заряженную винтовку. Одинъ изъ нихъ при неосторожномъ движеніи убилъ тутъ же въ домѣ своего товарища.

Глядя на ихъ тупыя, бессмысленныя лица, слушая ихъ убогія рѣчи, я начинаю сомнѣваться въ пользѣ и смыслѣ всеобщаго избирательнаго права. Встрѣтила Б. на улицѣ. Она рассказывала ужасы о Липкахъ. Всѣхъ выбрасываютъ изъ особняковъ, не позволяя ничего забирать съ собой. Частные дома занимаютъ подъ казармы и учрежденія.

12-го февраля. На городъ наложили контрибуцію, очевидно для того, чтобы запугать «буржуевъ» и заставить ихъ платить; началась серія арестовъ. Почти всѣхъ купцовъ и домовладѣльцевъ посадили въ тюрьму. Насъ пока не трогаютъ.

16-го февраля. Къ намъ вселили 2-хъ красноармейцевъ. Они — крестьяне харьковской губ. Пребываніе ихъ мало пріятно; ихъ надо кормить, они потребовали себѣ бѣлья, къ нимъ постоянно приходятъ гости, но, въ общемъ, это два тихихъ, крайне тупыхъ парня. Постой нашей сосѣдки ведетъ себя хуже: въ пять часовъ утра солдаты играли на рояли и пѣли.

18-го февраля. Отвратительная ночь. Началось съ того, что часовъ въ 10 веч. нашихъ солдатъ повели дѣлать обыски въ сосѣднихъ домахъ. Это, конечно, раззадорило ихъ аппетитъ, и, вернувшись къ намъ, они рѣшили въ 3 ч. ночи поискать и тутъ. Во время обыска они потребовали чаю. Пришлось встать и грѣть имъ воду, такъ какъ прислуга,

явно стоящая на ихъ сторонѣ, все таки отказалась работать въ такое неурочное время. На этой почвѣ уже началось столкновение между красноармейцемъ и кухаркой.

Обыскъ на этотъ разъ кончился благополучно: исчезло только полфунта колбасы.

Арестованныхъ заложниковъ мало-по-малу выпускаютъ. Очень плохо приходится семьямъ бѣжавшихъ: арестуютъ ихъ женъ, дѣтей, громятъ квартиры, национализируютъ имущество. На каждомъ шагу встрѣчаются подводы, нагруженные реквизированной мебелью. Въ учрежденія свозятъ стильную мебель, ковры, зеркала.

23-го февраля. Нашу гостиную реквизировалъ сов. служащій — секретарь комиссара по иностраннымъ дѣламъ. Это 18-лѣтній юнецъ очень глупый и невѣроятный лгуны. Лжетъ онъ такъ нагло, что не знаешь сердиться или смѣяться. Понимая, что его очень молодая внѣшность никому не внушаетъ уваженія, онъ передѣлалъ свой возрастъ въ паспортѣ, такъ что ему официально 28 лѣтъ.

Онъ — москвичъ, и отецъ его бѣжалъ въ Кіевъ при гетманѣ. Онъ не успѣлъ даже копчить гимназію, но рассказываетъ, что кончилъ 2 факультета.

Всетаки это ничтожество пользуется извѣстнымъ значеніемъ, такъ какъ, когда Ш былъ арестованъ ч.-к., по доносу дворника, ему очень скоро удалось освободить его.

Красноармейцы ведутъ себя довольно спокойно. Въ другихъ домахъ они страшно буянятъ. Интересно то, что отъ этихъ постоевъ страдаютъ и бѣдные люди, напр. бѣженцы Г.: они живутъ въ 3-хъ комнатахъ (ихъ семеро); къ нимъ поставили еще 10 красноармейцевъ, которые заставляютъ дочерей ставить для нихъ ночью самоваръ и т. п. Еще хуже тамъ, гдѣ поселились офицеры, то бишь красные командиры съ женами. Между этими дамами нѣтъ ни одной приличной женщины, и поведеніе ихъ соответствуетъ ихъ общественному положенію.

Буржуазія въ ужасномъ настроеніи, но мнѣ кажется, что не надо относиться такъ враждебно и зло къ ошибкамъ. Мы должны помнить, что реквизиціи помѣщеній начались еще во время войны, экономическое разстройство страны также внесено не большевиками. Вообще, идетъ еще гражданская война! Меня возмущаютъ, въ особенности, тѣ евреи, которые вдыхаютъ по царѣ. Неужели нѣкоторыя имущественныя потери могутъ сравниться съ тѣми униженіями, которымъ насъ ежечасно подвергалъ царскій режимъ?

*1-го марта.** Здѣсь все ждутъ французовъ. Мнѣ почему-то кажется, что они не придутъ. Примѣръ ихъ собственной революціи вѣдь долженъ былъ бы имъ показать всю бессмысленность иноземнаго вмѣшательства. Самое лучшее и для Россіи и для ея сосѣдей — это нормальное развитіе событій. Большевиамъ — явленіе болѣзненное и, какъ таковое, долго существовать не можетъ. Конечно, это не вопросъ мѣсяцевъ, какъ думали москвичи и петербуржцы, когда они приѣзжали къ намъ, а нѣсколькихъ лѣтъ. Но иноземное вмѣшательство только задерживаетъ событія и ставитъ имъ ненужныя препятствія.

Одна изъ самыхъ дикихъ сторонъ большевизма — отсутствіе свободной печати. То-есть я неправильно выразилась: печать вообще исчезла. Есть только официальные органы коммунистической партіи, въ которыхъ работаютъ какіе-то садисты и полуграмотные экстерны. Таковы наши кіевскія изданія; московскія газеты значительно лучше. Тамъ пишутъ грамотно.

3-го марта. Лгунишка-комиссаръ арестованъ. — Ему грозитъ разстрѣлъ. Кажется, онъ надѣлалъ канія-то глупости — не то поддѣлалъ подпись Мазауренко, не то рекомендовалъ на службу завѣдомаго контръ-революціонера. Неужели его разстрѣляетъ та же власть, которая допустила на отвѣтственный постъ недоучившагося дурачка?

10-го марта. Уничтожаются частныя библіотеки. Частнымъ лицамъ нельзя имѣть никакихъ коллекцій. Мнѣ предложили мѣсто «эмиссара» въ библіотечномъ отдѣлѣ для осмотра частныхъ библіотекъ. Я отправилась съ Л. въ какую-то канцелярію въ гостиницѣ Гладынюка, но тамъ мнѣ заявили, что женщинъ на эту должность не принимаютъ. Хорошо равноправіе!

* Даты марта и апрѣля, вслѣдствіе утери нѣсколькихъ страницъ, восстановлены частью по памяти; возможны ошибки.

Л. приняли и онъ побродилъ нѣсколько дней по развореннымъ квартирамъ и наложилъ печати на библиотечные шкафы. Можетъ быть, можно будетъ хоть такимъ путемъ спасти тѣ книги, которыя солдаты еще не успѣли разорвать и сжечь.

На одномъ изъ засѣданій по библиотечному вопросу встрѣтила Н. Онъ — бундовецъ и не долженъ былъ бы служить у большевиковъ, хотя при ихъ системѣ надо или эмигрировать, или поступить къ нимъ на службу. Иначе, при все растущей дороговизнѣ можно будетъ умереть съ голоду.

12-го марта. Вчера насъ хотѣли выселить изъ квартиры. Только протекція бывшего репетитора О. П., который завѣдуетъ жилищнымъ отдѣломъ, спасла насъ. вмѣсто нашей ввели въ томъ же домѣ другую квартиру, владѣльцы которой уѣхали. Въ нее вселили какого-то доктора, выселеннаго изъ дома Миркина. Этотъ домъ націонализованъ, такъ какъ владѣлецъ бѣжалъ. Поэтому страдаютъ жильцы: ихъ выдворяютъ, запрещая выносить мебель. Такое выселеніе настоящее развореніе. Можно себѣ представить во что превратятъ квартиры и мебель красноармейцы и «сотрудники» совѣтскихъ учреждений.

20-го марта. Кіевскія улицы очень измѣнились за послѣднее время. Онѣ всегда были очень оживлены, а при гетманѣ на Крещатикѣ нельзя было протолкаться. И публика была гораздо эlegantнѣе, чѣмъ раньше. Теперь наоборотъ, все уменьшается число эlegantныхъ и даже опрятно одѣтыхъ прохожихъ, особенно мужчинъ. Большинство ходитъ въ солдатскихъ шинеляхъ или въ кожаныхъ курткахъ и въ черныхъ картузахъ. Многія дамы не носятъ шляпъ. Всѣ стараются придать себѣ «демократическій видъ».

Наши солдаты, слава Богу, ушли, предварительно надѣлавъ намъ еще неприятностей.

Они стрѣляли изъ винтовокъ у себя въ комнатѣ; не говоря о томъ, что такая игра могла кончиться печально и для кого-нибудь изъ насъ, эта стрѣльба чуть было не завершилась «тщательнымъ» обыскомъ, такъ какъ остальные красноармейцы увѣряли, что стрѣляли мы и хотѣли искать у насъ оружіе. А для чего производятъ у буржуевъ тщательные обыски, мы хорошо знаемъ по рассказамъ потерпѣвшихъ знакомыхъ.

Оказывается, что работать въ совѣтскихъ учрежденіяхъ не легко.

Есть нѣсколько учреждений нейтральныхъ, напр. совнархозъ, губстатбюро. Туда идутъ буржуи, нуждающіеся или надѣющіеся хоть что-нибудь спасти. Р. будто бы пошелъ на совѣтскую службу по послѣднимъ мотивамъ, но онъ жалуется, что ему жить не даетъ коммунистическая ячейка, вмѣшивающаяся въ его дѣловыя распоряженія, все провѣряющая, все подозрѣвающая, и недовольная тѣмъ, что онъ не коммунистъ.

По его словамъ, члены этихъ ячеекъ наихудшій сбродъ даже между коммунистами.

25-го марта. Вездѣ комиссары, которые все портятъ и во все вмѣшиваются. Я удивляюсь, какъ наши профессора выдерживаютъ, когда ими командуетъ недоучившійся студентикъ. Кстати о послѣднихъ: они теперь имѣютъ важное значеніе, ихъ назначаютъ на высокіе посты. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи большевики только идутъ вслѣдъ за своими предшественниками — украинцами: Голубовичъ вѣдь тоже попалъ въ премьеры съ 4-го курса.

Куда-то они всѣ дѣлись? и какимъ это кажется далекимъ!

Какимъ пріятнымъ былъ украинскій фарсъ въ сравненіи съ коммунистической трагедіей. У насъ все грустнѣй и грустнѣй; жизнь дорожаетъ, притѣсненія увеличиваются, всѣ ходятъ какіе-то напуганные.

Нельзя даже развлечься. Театры и кинематографы націонализированы, играютъ тенденціозныя пьесы и показываютъ фильмы, въ которыхъ (довольно тупо) острятъ надъ буржуазіей.

1-го апрѣля. Что ни день, то не легче. Уже не говоря о мученіяхъ, которымъ подвергаются знакомые, за что ихъ жалѣешь, начинаешь сама вѣчно чего-то опасаться.

Каждый звонокъ приводитъ въ ужасъ, боишься выйти на часъ изъ дому, чтобы за время отсутствія не произошло чего-нибудь. А насъ еще пока Богъ миловалъ.

Вчера заходилъ Б. У бѣдняги была большая неприятность: какъ всѣ кіевляне, наученные горькимъ опытомъ москвичей и петроградцевъ, онъ вынулъ, при Директоріи, все наиболѣе цѣнное изъ сейфа. Это было очень умно, потому что сейфы теперь опечата-

ны и ихъ будутъ осматривать. Но затѣмъ онъ уже сдѣлалъ глупость, спрятавъ свертокъ съ цѣнностями на печку. Это мѣсто знаетъ, кажется, каждый ребенокъ, не то, что чекистъ. Когда же къ нему прислали постою, онъ забылъ или не успѣлъ принять свертокъ, который исчезъ вмѣстѣ съ красноармейцами. Въ этомъ случаѣ есть двѣ интересныя стороны: во-первыхъ, пострадавшій совершенно не имѣетъ права жаловаться на воровъ властямъ, такъ какъ самый фактъ владѣнія цѣнностями является преступленіемъ, чѣмъ-то вродѣ сохраненія краденаго при буржуазномъ строѣ. Обокраденный не только не получить помощи отъ власти, но будетъ подвергаться обыскамъ, будетъ обложенъ контрибуціей на томъ основаніи, что у него могли еще остаться цѣнности или, что онъ когда-то владѣлъ ими.

Во-вторыхъ, пострадалъ отъ социальнаго переворота, имѣющаго цѣлью уничтожить бѣдность, бѣдный человекъ. То, что украли у Б., было плодомъ долготѣльных трудовъ; онъ давалъ уроки будучи гимназистомъ, всю жизнь былъ заводскимъ врачомъ, лѣчилъ тѣхъ же крестьянъ и рабочихъ, которые его теперь ограбили.

Между прочимъ, Б. страшно радовался революціи, а теперь онъ ее проклинаетъ, и призываетъ тѣнь Побѣдоносцева.

Мы отдѣлались отъ нашихъ красноармейцевъ легко — маленькой кражей постельнаго бѣлья и добровольной данью носильнаго.

10-го апрѣля. На этой недѣлѣ было нѣсколько тяжелыхъ дней. Я не думала, что такъ тяжело присутствовать при томъ, какъ забираютъ вашу собственность. Когда перенесшіе это рассказывали о пережитомъ со скрежетомъ зубовъ, я пожимала плечами и удивлялась такой привязанности къ вещамъ. Жить вѣдь можно и безъ стильныхъ гостинныхъ и персидскихъ ковровъ.

Теперь я поняла, что дѣло совсѣмъ не въ вещахъ и не въ ихъ цѣнности, а въ томъ, что кто-то смѣетъ забирать мое, мою собственность, то, что принадлежитъ мнѣ.

Какое это униженіе! Кто-то къ вамъ врывается и крадетъ на основаніи «закона», несмотря на ваши просьбы, протесты.

Боже мой! конечно, смѣшно жаловаться на такой пустякъ, когда гибнетъ цѣлая страна, и теперь только я вижу, какъ гибнетъ. Что человекъ (а можетъ быть, только я) за животное, когда онъ обо всемъ судитъ только въ отношеніи къ самому себѣ!

Одно воспоминаніе о происходившемъ у насъ въ квартирѣ на этой недѣлѣ вставляетъ меня до сихъ поръ вздрагивать. Вытаскивали изъ квартиры мебель, серебро, ковры и еще кричали при этомъ, что все дѣлается для народа, который спасаютъ изъ нашихъ «обагренныхъ кровью» рукъ.

И униженія, просьбы родителей, сопровождавшія эту сцену . . . Ужъ лучше стоять и молчать!

Больше всего то, что вся эта конфискація, или попросту кража, произошла по доносу тетиной горничной, которая уже 4 мѣсяца сидитъ у насъ на шеѣ, ничего не дѣлаетъ и беретъ жалованье, такъ какъ мамѣ было жаль ее рассчитать послѣ реквизиціи квартиры. Въ видѣ благодарности, она постаралась, чтобы у насъ забрали серебро, а одинъ жилецъ — подборщикъ — сказалъ чекистамъ, что у насъ хорошая мебель. Никто изъ насъ его никогда не обидѣлъ, такъ что его поступокъ даже не мечь, а просто искусство для искусства. Одинъ изъ реквизировавшихъ серебро отрекомендовался студентомъ московскаго университета.

Правда, Б. говорила еще лѣтомъ, что, когда былъ изданъ декретъ о томъ, что, для поступленія въ университетъ, не нуженъ аттестатъ зрѣлости, ея петербургскій дворникъ сейчасъ же записался въ студенты, чтобы не пойти въ красную армію.

14-го апрѣля. Снова хотѣли реквизировать квартиру для какого-то украинскаго коммунистическаго клуба. Ворвались во-время сейдера*.

15-го апрѣля. Два красноармейца пришли реквизировать мѣдный котелъ для выварки бѣлья. Насилу ихъ умолили оставить его, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ противно варить для людей.

* Вечеръ наканунѣ праздника Пасхи.

Куда бѣжать изъ этого ада? Ужъ нѣтъ больше терпѣнія!

Каждый день кого-нибудь арестовываютъ или разоряютъ. Угрожаютъ всѣхъ выселить изъ буржуазныхъ домовъ и вселить въ нихъ — бѣдноту. Недавно снова получили письмо изъ Москвы. Родные пишутъ, что они страшно мучались всю зиму. Не было топлива и холодъ въ домахъ былъ невѣроятный? У всѣхъ отморожены руки и ноги.

23-го апрѣля. Пишу поздно ночью. Сегодня насъ хотѣли снова выбросить уже всѣмъ домою, чтобы размѣстить штабъ какой-то дивизіи. Комендантъ дома уже назначенъ.

Все чаще и чаще вспоминаются «Бѣсы». Чего собственно хотятъ эти люди? Зачѣмъ все это дѣлается? Я могу объяснить себѣ многое: терроръ — это самозащита правительства, онъ страшенъ, но къ нему прибѣгала всякая власть и, при малѣйшемъ упрекѣ, большевики могутъ указать на всю исторію человѣчества. Правда, мы, ихъ оппоненты, можемъ имъ напомнить, что они же, при временномъ правительствѣ, вопили противъ смертной казни, а теперь кровь льется рѣкой?

Я могу понять отчужденія и конфискаціи недвижимости, могу объяснить контрибуціи — своего рода единовременный налогъ на богатыхъ, но дальнѣйшее? Что изменится въ социальномъ строѣ, если у X. и Y. заберутъ серебро, бѣлье, одежду? Каждый ребенокъ понимаетъ, что все это разойдется по рукамъ другихъ частныхъ лицъ. И это еще въ лучшемъ случаѣ, потому что большинство вещей просто гибнетъ: изъ портьеръ, изъ мебельной обивки дѣлаютъ портянки, куртки, часовые сидятъ передъ чека на дорогой мебели.

Большевицкая система способствуетъ развитію самыхъ подлыхъ и низкихъ наклонностей.

Сегодня, напр., была такая сценка: надо замѣтить, что, при реквизиціи дома, выселяемымъ жильцамъ почти ничего не позволяютъ забирать съ собой, поэтому нашъ комендантъ далъ соответствующее распоряженіе швейцару; послѣдній — приличный человѣкъ и не обращалъ вниманія на то, что многіе жильцы по-тихоньку спасали свое имущество. За такое нерадѣніе ему сдѣлалъ замѣчаніе живущій въ домѣ подборщикъ. Онъ не коммунистъ, но, вѣроятно, надѣется пожить не одной вещью въ опустѣвшихъ квартирахъ, которыя сплошь и рядомъ пустуютъ, такъ какъ некому ихъ занять.

24-го апрѣля. Есть надежда, что комендантъ за мзду освободитъ нашъ домъ. Онъ — бывший учитель гимназіи въ Москвѣ, горькій пьяница. Но, конечно, о немъ и о милліонахъ ему подобныхъ русскіе не вспомнятъ. Они будутъ безъ конца перечислять коммунистовъ — евреевъ и указывать на еврейскихъ подонковъ, принимавшихъ участіе въ большевизмѣ. Но о нашемъ коммунистѣ Лебедевѣ, о Собиновѣ, Шалапинѣ и всѣхъ тѣхъ офицерахъ, чиновникахъ и другихъ русскихъ, которые работали во славу коммунизма, они не вспомнятъ или найдутъ для нихъ смягчающія обстоятельства: они, бѣдные, были выбиты изъ колеи войной, умирали отъ голоду, большевики ихъ принудили силой, угрозами.

25-го апрѣля. За старый чемоданъ и нѣсколько бутылокъ водки коммунистъ Лебедевъ сжалился надъ нами. Кажется, впрочемъ, что значеніе имѣла протекція члена исполкома Алгасова, съ которымъ знакомъ кто-то изъ жильцовъ. Оригинальная власть! Одинъ изъ ея высшихъ представителей не стѣсняется дѣйствовать по знакомству наперекоръ ей.

Вообще, большевики довели до абсурда всѣ недостатки, которыми отличаются плохія правительства. У нихъ безъ протекціи, безъ знакомства нельзя сдѣлать шагу, нельзя вообще существовать. Затѣмъ, бюрократія развилась до безпредѣльности: вездѣ и для всего канцеляріи, 5 чиновниковъ исполняютъ то, что въ прежнее время дѣлалъ одинъ. Бумажки, бумажки безъ конца.

Интересно, что то же происходило во время французской революціи, когда министры должны были издавать распоряженія о бережливомъ отношеніи къ бумагѣ.

Къ сожалѣнію, ряды этихъ чиновниковъ и чиновницъ пополняются, главнымъ образомъ, буржуазной молодежью, преимущественно еврейской.

Конечно, это легко объяснить: большевики уничтожили всѣ частныя предпріятія — часть они націонализировали, часть же (страховыя общества, банки) уничтожили, какъ уродливыя явленія буржуазнаго строя. Лица, служившія въ этихъ учрежденіяхъ, должны имѣть какой-нибудь заработокъ, такъ какъ даже лица, имѣющія крупныя суммы въ банкахъ не знаютъ откуда брать средства на непомѣрную дороговизну, ибо съ текущихъ счетовъ выдаютъ на человѣка 1000 руб. въ мѣсяць.

Кромѣ того, совѣтская служба будто бы даетъ паекъ, который никто никогда не получаетъ, и кое-какія привилегіи, напр. тѣ дома, гдѣ живетъ много совѣтскихъ служащихъ, не реквизируются.

27-го апрѣля. Кажется, «коммунистъ» и «идіотъ» — значеніе этихъ двухъ словъ равносильно.

Вышелъ декретъ о количествѣ мебели, которое полагается на семью. Въ сущности стоитъ ли запоминать его содержаніе? Одна мысль о такомъ узаконеніи вызываетъ сомнѣніе въ здоровомъ умѣ законодателя. Это похоже на сатиру. Такъ описывалъ социалистическую республику Евг. Рихтеръ, книгой котораго всѣ теперь зачитываются.

Неужели онъ былъ правъ? Неужели прекрасная мечта о благоденствіи всего человечества должна принять въ дѣйствительности такія уродливыя формы? Почему? вѣдь все таки это прекрасная мечта и осуществить ее можно было бы совсѣмъ иначе. Можетъ быть, она попала на слишкомъ неподготовленную почву?

Словомъ, «der langen Rede kurzer Sinn» — въ декретѣ сказано, что на семью полагается шкафъ (1), столъ (1), столько кроватей и стульевъ, сколько членовъ семьи, плюсъ 2 стула для гостей. И все. Умывальники, комоды, этажерки, ночные столики и т. п. считаются, очевидно, излишними предметами роскоши, которые, разумѣется, въ случаѣ найденія, будутъ реквизированы.

1-го мая. Сегодня большое торжество. 1-ое мая рабочій праздникъ, а у большевиковъ это официальное торжество. Къ нему приготавливались задолго. Всѣ кіевскіе художники рисовали и писали плакаты большевистскаго содержанія. Правительство покровительствуетъ крайнимъ теченіямъ въ искусствѣ и поэтому понять содержаніе этихъ «картинъ» довольно трудно.

Мы пошли компаніей въ Купеческій садъ, гдѣ должны были выступать Мордкинъ и Собиновъ, но начался спектакль длинной, бездарной рѣчью на тему «о качествахъ пролетаріата и подлости буржуазной сволочи». Болтливый «товарищъ» говорилъ такъ много и долго, что я не выдержала и удрала.

Утромъ былъ такого же рода спектакль для дѣтей — воспитанниковъ народныхъ школъ, пріутовъ и т. п. учебныхъ заведеній. Вообще, къ дѣтямъ большевики относятся очень хорошо. Они ихъ даже чрезмѣрно балуютъ, даютъ имъ совершенно нелѣпое воспитаніе. Очень легко покорить дѣтскія сердца еженедѣльными спектаклями, грудями конфетъ и бездѣльемъ. Такъ большевики приготавливаютъ себѣ кадры новыхъ сторонниковъ.

Вообще ихъ педагогическія теоріи: трудовая школа (слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ), надзоръ учениковъ за учителями и т. п. пользуются успѣхомъ не только у гимназистовъ и гимназистокъ, но даже среди молодыхъ учителей.

Чѣмъ дольше у насъ большевики, тѣмъ больше я вижу, что часть русской интеллигенціи (и довольно большая часть), я не скажу сочувствуетъ имъ, но не находитъ въ ихъ дѣйствіяхъ безумія и преступности. Когда имъ говорятъ, что большевики — грабители, разрушающіе частное благополучіе и такимъ образомъ подрывающіе благосостояніе всей страны, они отвѣчаютъ: «Что за несчастіе, если заберутъ землю, или домъ, или мебель у Бродскаго, у Терещенка? Вѣдь не трудомъ праведнымъ нажили они свои палаты каменные. Да кромѣ того у такихъ богачей всегда что-нибудь останется». Очевидно, ихъ не возмущаетъ фактъ грабежа самъ по себѣ. Что же они думаютъ, что чекистъ, обкрадывающій Терещенко, правильно распредѣляетъ богатство.

Не носили ли русскіе всегда въ себѣ зародышей большевизма? А если часть ихъ теперь имъ недовольна, то, кажется, главнымъ образомъ за то, что въ немъ такое значеніе имѣютъ евреи. Они бы помирились съ Троцкимъ, если бы онъ былъ урожденный не Бронштейнъ, а Ивановъ или Петровъ.

На этой почвѣ у И. непрекращающаяся вражда съ нѣкоторыми одноклассницами. Эти дѣвочки загрызали ее раньше на смерть, а теперь онѣ восторгаются совѣтскими педагогическими мѣрами.

5-го мая. Вчера въ 8 ч. веч. (по совѣтскому времени) позвонили къ намъ Б. Ихъ вторично выбрасываютъ изъ дому и они просили насъ спасти имъ немного бѣлья и фотографіи, такъ какъ имъ заявили, что ничего почти не позволяютъ съ собой вынести. Сегодня они сообщили, что волненіе было излишне. Домъ рѣшили пока только уплотнить, такъ какъ тамъ живетъ много служащихъ гор-и губпродкомовъ, и за нихъ вступился Шлихтеръ.

Говорятъ, что на Кіевъ идутъ банды какого-то Григорьева.

8-го мая. Снова 3 дня подрядъ врываются въ квартиру и хотятъ ее реквизировать то цѣликомъ, то частью. Каждый разъ тотъ же торгъ, упрашиванія, мольбы. Невыносимо! А еще противнѣе отношеніе домового комитета. Всякій разъ, когда приходятъ съ ордеромъ, предсѣдатель бѣжитъ къ намъ и отдаетъ нашу квартиру на разореніе. Доходило даже до безобразныхъ сценъ. Вѣдь, эти жильцы такіе же «буржуи», какъ мы, а, можетъ, и большіе; почему же вмѣсто сочувствія, какой-нибудь организаціи для самозащиты отъ того ужаса, который надвинулся на насъ всѣхъ, наши же собратья по классу, по культурному уровню, поддерживаютъ политику большевиковъ.

Живетъ ли въ каждомъ человѣкѣ большевикъ или только въ російскомъ гражданѣ? А можетъ быть, это лишь результатъ большевизма; вѣчныя волненія, матеріальныя лишенія, постоянная угроза жизни разбудили въ самыхъ кроткихъ людяхъ звѣря. Кажется, постоянное страданіе не дѣлаетъ человѣка лучшимъ.

16-го мая. Какая это была страшная недѣля. Страшнѣе обстрѣла 18-го года. Онъ совсѣмъ померкъ передъ ней. Слава Богу, все кончилось благополучно.

Послѣдніе дни въ городѣ было довольно тревожно. На Кіевъ шель Григорьевъ; рассказываютъ, что его банды вырѣзываютъ цѣлыя еврейскія мѣстечки. Возникъ ли въ связи съ этимъ движеніемъ въ Кіевѣ какой-нибудь заговоръ — не знаю, но произошли массовыя аресты русскихъ купцовъ и членовъ союза русскаго народа. Разстрѣляли нѣсколько десятковъ человѣкъ. Нѣкоторыхъ освободили, вѣроятно, за большія деньги. Въ то же время увеличили контрибуцію, такъ что теперь городъ долженъ выплатить 200 милл.

Я бы ихъ всѣхъ очень жалѣла, если бы не мысль о томъ, жалѣли ли бы они меня? Конечно, нѣтъ. Теперь мы страдаемъ вмѣстѣ, но когда-нибудь имъ будутъ пѣть «Вѣчная память», будутъ ставить памятники, а намъ устроятъ пару погромовъ за то, что въ ночь на 12-ое мая арестовали 50 евреевъ — заложниковъ буржуазіи. Къ намъ позвонили въ 3 ч. ночи. Обыска не сдѣлали. Предъявили только ордеръ на имя уѣхавшаго папинаго брата, а когда обратили ихъ вниманіе на это, и они позвонили въ чека, оттуда отвѣтили, что можно взять брата за брата.

Мы боялись, чтобы они не убили папу по дорогѣ, какъ бывало не разъ, и мама съ Н. пошли слѣдомъ за ними, хотя одинъ изъ конвойныхъ грозилъ ей револьверомъ. Они пошли даже вторично, отнести папѣ ѣду и одѣяло, такъ какъ онъ провелъ остальную часть ночи и почти весь послѣдующій день въ сосѣднемъ районѣ.

Въ 6 ч. утра мы всѣ были на ногахъ; началась бѣготня къ друзьямъ и сильнымъ міра сего. Въ общемъ всѣ относились доброжелательно, но никто не хотѣлъ очень стараться: никто не хочетъ компрометировать себя защитой арестованнаго буржуя и всякій прячетъ протекціи для себя.

Телефонируя къ знакомымъ, я два раза попала довольно неудачно: въ мартѣ была арестована Б., мама тогда за нее хлопотала, и я рѣшила обратиться къ ней за какими-нибудь указаніями. Въ 8 час. утра я къ ней позвонила и рассказала о папиномъ арестѣ. Она меня удивила сухимъ отвѣтомъ: «Да, теперь всѣхъ арестовываютъ», и повѣсила трубку. Полчаса спустя я ее увидѣла въ районѣ. Оказалось, что въ ту минуту, когда я хотѣла съ ней говорить, ее арестовали и уводили вмѣсто больного мужа. Ей за шестьдесятъ лѣтъ. Позже, днемъ, я вспомнила объ одномъ знакомомъ врачѣ — человѣкѣ со связями. Долго мнѣ не отвѣчали изъ его квартиры, наконецъ, чей-то голосъ сообщилъ, что и онъ арестованъ.

Къ 4 ч. дня районъ былъ биткомъ набить купцами, домовладѣльцами, все евреями. Въ 5 ч. ихъ повели въ чека. Ихъ вели по мостовой; каждый, даже бѣдная Б. съ растрепавшимися сѣдыми косами тащила узлы. Прохожіе смотрѣли на нихъ съ жалостью . . . потому что кому-то пришло въ голову, что это ведутъ арестованныхъ поляковъ. Я подумала, какъ бы измѣнилось отношеніе толпы, если бы они присмотрѣлись и увидѣли, что среди арестованныхъ нѣтъ ни одного арійца. Навѣрное, сказали бы, что подѣломъ, такъ жидамъ и надо.

Въ чека свиданій нѣтъ. Можно лишь 2 раза въ недѣлю приносить пищу. На слѣдующій же день И. побѣжала съ провизіей. Чека находится теперь въ бывшемъ генераль-губернаторскомъ домѣ, который отгороженъ съ обѣихъ сторонъ, такъ что нельзя мимо него пройти. Канцеляріи находятся въ маленькомъ домѣ на углу Садовой и Институтской. Тамъ была длинная очередь — все родственницы, съ которыми чекисты обращались страшно грубо. Но, несмотря на это, какая-то неунывающая толстая дама затѣяла тутъ же разговоръ о великомъ значеніи большевизма.

Такъ прошло 4 дня. На 5-ый день большинство арестованныхъ выпустили, въ томъ числѣ и папу.

5 дней въ чека это ничего, глупости. Есть люди, которые сидятъ тамъ по 6 недѣль.

Не знаю, кому хуже, семьѣ или арестованному? Пугаетъ полная неизвѣстность. Не знаешь, за что арестовываютъ, въ чемъ обвиняютъ.

Папа сидѣлъ въ одной камерѣ съ Флоринскимъ и другими, разстрѣлянными на этой недѣлѣ. При немъ же ихъ вывели пьяные солдаты. Поздно ночью они ворвались въ камеру и стали вызывать жертвы, сопровождая каждую фамилію непечатной бранью.

На фронтѣ большевикамъ хуже. На Крещатикѣ, около кинематографа «Экспрессъ», расположился «Бупъ», сирѣчь «Бюро Украинской печати»; оно ежедневно вывѣшиваетъ главныя телеграммы, сводки, извѣстія о революціяхъ и забастовкахъ въ Европѣ. И сводки эти гласятъ, что красная армія «отступаетъ на заранѣе приготовленныя позиціи».

Уже не заходятъ такъ далеко на югъ красныя линіи на огромныхъ картахъ, составленныхъ во всѣхъ скверахъ.

20-го мая. Какъ долго можно жить въ такой атмосферѣ злобы и ненависти? Какъ долго можно разносить остатки столоваго серебра, бѣлье и деньги по знакомымъ? Что это за каторга? Со времени папинаго ареста, я не сплю по ночамъ. Оставляю окно нарочно открытымъ, просыпаюсь каждыя часъ, полтора и прислушиваюсь. Такъ спятъ всѣ наши, и я думаю, что такъ спитъ большая часть кievлянъ. Не имѣю даже своего угла. Пришлось уступить мою комнату Б. Бѣдняжекъ окончательно выбросили изъ дому. Но мы благодаримъ Бога за то, что живутъ у насъ онѣ, а не жена ротнаго командира, которая реквизировала у насъ двѣ лучшія комнаты, во время папинаго ареста. И въ этомъ случаѣ секретарь домового комитета проявилъ себя во всей своей нравственной красѣ. Въ первый же день папинаго ареста, они ворвались къ намъ. Ни просьбы, ни уговоры — ничего не помогало. Даже болѣе того, когда командирша уже удовлетворилась одной комнатою, секретарь уговорилъ ее ваять двѣ. Зато онѣ были наказанъ: наша обстановка этой дамѣ не понравилась, мы должны были все вынести и размѣстить въ сосѣднихъ комнатахъ, а она, съ помощью своего адъютанта, молоденькаго офицера, выбрала во всемъ домѣ, что было лучше и приказала военнымъ шофферамъ, занявшимъ другую квартиру, снести все выбранное ею къ намъ. И секретарь поплатился какими-то креслами. Въ благодарность за услуги, офицерикъ отдалъ одну изъ нашихъ кроватей въ распоряженіе шофферовъ.

Такимъ образомъ, командирша съ адъютантомъ (командиръ все время на фронтѣ) будутъ жить въ 2-хъ комнатахъ, а мы — семья изъ шести человекъ — въ 3-хъ.

Только вечеромъ удалось уломать командиршу. Она вспомнила, что видѣла лучшую квартиру гдѣ-то на Костельной и пошла туда терзать людей.

Теперь въ нашей 7-ми комнатной квартирѣ, не считая прислуги, живетъ десять человекъ. Это еще по-божески, хотя для меня уже не хватило кровати.

У Ш. въ квартирѣ изъ 8-ми комнатъ живетъ 15 человекъ и, что хуже всего, комиссаръ съ женой, то-есть съ женами, такъ какъ каждую недѣлю у него живетъ другая дама.

5-го іюня. Жизнь все ужаснѣе. Уже почти мѣсяць я сплю полуодѣтая. Можетъ быть, это глупые страхи, но каждую ночь арестуютъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Многіе скрываются, но развѣ можно долго такъ жить? Что вышло изъ скриванія несчастной Х. Она почему то не уѣхала съ мужемъ, хотя, какъ родственница гетмана, не должна была оставаться. Но, какъ только большевики вошли, она стала прятаться. Квартиру ея, конечно, сейчасъ же разгромили. Можетъ быть, ея страхи были преувеличены, но она никогда не спала 2-хъ ночей въ томъ же домѣ. Послѣ 4-хъ мѣсяцевъ такой жизни, она простудилась и умерла послѣ очень недолгой болѣзни. Ее даже хоронили подъ чужимъ именемъ.

Все таки нѣсколько знакомыхъ и нѣкоторые пріюты были на похоронахъ. Кстати, о пріютахъ: всѣхъ дамъ, которыя ихъ создали, оставили, потребовали сдать счета, просто прогнали. И все пошло прахомъ. Не только пріюты, но, что хуже, больницы, школы, все, что создала буржуазія въ Кіевѣ въ этой области, а создала она, особенно еврейская, не мало.

И только ли это? А наши фабрики, которыя стоятъ, наши пустыющіе магазины и склады, образцовыя фермы Ханенко, разграбленные музеи и библіотеки — все погбло или гибнетъ.

Мы, можетъ быть, были жестоки, жадны, полны предрасудковъ, но мы творили, а они разрушаютъ. Какое право я имѣю говорить «мы»? Не «мы», а они — наши предки. Мы — наслѣдники сами виноваты въ томъ, что происходитъ. Мало ли было среди насъ социалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ? И теперь мы должны присутствовать со связанными руками при томъ, какъ уничтожаютъ наше наслѣдство.

Недавно былъ декретъ — воззваніе предсѣдателя чека Лациса. Онъ поощряетъ доносы, требуетъ ихъ и общается доносчикамъ тайну и безопасность.

10-го іюня. Сегодня новая очередная неприятность. Уже 4 мѣсяца мы прячемъ и прячемъ наше имущество, раздаемъ по знакомымъ, словомъ — честные люди живутъ жизнью воровъ, прячутъ свое честно пріобрѣтенное имущество, какъ воръ — краденое.

Недавно кому-то пришло въ голову спрятать пакетъ процентныхъ бумагъ въ погребѣ въ пескѣ подъ какой-то доской. Послѣ 2-хъ, 3-хъ недѣль мама заглянула подъ доску. Часть бумагъ была порядочно обгрызана крысами. Новое несчастіе! теперь мы боимся, что при новой контрибуціи или, вообще, когда нужны будутъ деньги на жизнь, нельзя будетъ пострадавшія бумаги продать.

Хотя трудно вѣрить, чтобы русскія бумаги, вообще, имѣли какую-нибудь цѣнность. Вѣдь большинство ихъ, вѣроятно, конфисковано въ сейфахъ и въ банкахъ, то-есть попросту украдено комиссарами и перепродано спекулянтамъ, а будущее буржуазное правительство, если оно не захочетъ санкціонировать кражу, должно будетъ какъ-нибудь разъяснить вопросъ объ этихъ цѣностяхъ. Есть люди, особенно бѣженцы изъ столицъ, которые тамъ ничего не успѣли спасти, превратившись изъ миллионеровъ въ нищихъ. Напр. Н. Онъ тяжело боленъ и его жена продаетъ послѣднее для покупки лѣкарствъ, которыя неизмовѣрно дороги и начинаютъ не хватать.

Продаютъ, положимъ, не только они, продаемъ мы всѣ. Всѣ магазины превратились было въ комиссіонныя конторы. Шурумъ-бурумы богатѣютъ. Точь въ точь то же было въ Петроградѣ, но и тутъ конецъ былъ тотъ же, что тамъ. Большевики спохватились, что у нихъ изъ-подъ носа исчезаетъ много хорошихъ вещей; они заперли всѣ комиссіонныя конторы, находящіяся въ нихъ вещи свезли въ городской ломбардъ, серебро и золото конфисковали, остальные вещи будто бы будутъ возвращать. У насъ очень много вещей такимъ путемъ пропало.

К. въ отчаяніи. Она открыла такую контору; теперь осталась при однихъ расходахъ. Средствъ у нея и такъ, вѣроятно, немного, такъ какъ ихъ домъ совершенно разграбили.

Она только и думаетъ объ отъѣздѣ, но мнѣ кажется, что все таки еще можно потерпѣть. На фронтѣ большевикамъ неважно. Авось, они до зимы сгинутъ. А положеніе эмигрантовъ такъ ужасно!

15-го іюня. По декрету о бѣльевой повинности, на гражданина У. С. С. Р. полагается не больше 6-ти смѣнъ бѣлья. Буржуи, раздѣленные на категоріи, должны дать

по нѣсколько смѣнъ бѣлья для собеза. Такъ какъ никто своего хорошаго бѣлья дать не хочетъ, то на всей исторіи зарабатываютъ старьевщики.

26-го іюня. Каждую ночь оставляю окно открытымъ для того, чтобы слышать не подходятъ ли къ дому. Сегодня подъ утро, уже было свѣтло, меня разбудилъ шумъ шаговъ на улицѣ. Я подбѣжала къ окну. Нѣсколько человѣкъ подходило къ нашему дому. Я рѣшила, что идутъ обыскивать или арестовывать и стала одѣваться. Б. и И. послѣдовали моему примѣру. Къ счастью тревога оказалась ложной. Эти люди постучали въ наши парадныя двери, имъ не сразу открыли, они ругали швейцара, о чемъ-то спрашивали его, потомъ пошли стучать въ домъ, что напротивъ насъ. Пронесло, слава Тебѣ, Господи!

Долго ли мы будемъ такъ мучаться? Деникинъ наступаетъ, но Колчака бьютъ. Изъ чего мы всѣ сдѣланы? Развѣ мы, жертвы, не можемъ соединиться и уничтожить этихъ палачей? Я чувствую себя, какъ затравленный звѣрь. Не спать и ожидать чекистовъ! Это вѣдь тѣ же драгоннады!

27-го іюня. Сегодня снова стучали подъ утро къ намъ. Оказалось, пришли съ обыскомъ къ часовому мастеру, но каждый думаетъ, дрожа отъ страха, что къ нему и за нимъ.

28-го іюня. Сегодня снова забирали мебель. У насъ взяли мало, но у секретаря взяли весь кабинетъ. Въ городѣ снова серія обысковъ. Я замѣтила, что это происходитъ всякій разъ, когда войсковыя части отправляются на фронтъ. Вѣроятно, только такимъ путемъ коммунисты могутъ возбудить въ своихъ войскахъ жажду воинскихъ подвиговъ.

Подъ вліяніемъ этой ужасной жизни у меня исчезли всякіе интересы. Съ тѣхъ поръ, какъ я сдала послѣдній экзаменъ, мнѣ даже не хочется читать, не то, что работать. Весь день проходитъ въ бѣготнѣ по разнымъ комамъ, въ прятаньи, въ продажѣ. Напр., на дняхъ пришелъ предсѣдатель домкома и сказалъ, что есть декретъ о предѣльныхъ запасахъ муки, сахара и т. п. Всѣ испугались, начали прятать, пересыпать, переносить.

Я даже не полюбопытствовала увидѣть и услышать Троцкого.

Говорятъ, что онъ здѣсь не имѣлъ никакого успѣха и уѣхалъ, заявивъ, что Украина похожа на редиску: внутри бѣлая, снаружи красная.

Прозѣвавъ Т., я рѣшила вознаградить себя хоть лицеизрѣніемъ иностранныхъ коммунистовъ. Они имѣютъ здѣсь свою газету и засѣдаютъ въ домѣ Апштейна, на углу Лютеранской и Банковой.

Была на 2-хъ собраніяхъ. Публики было довольно много; большинство ея составляли француженки и англичанки.

Во главѣ этихъ коммунистовъ стоитъ бельгійка — уже немолодая женщина — нѣкая m-me Costa, бывшая гувернантка у однихъ мѣстныхъ сахарозаводчиковъ. Теперь она реквизировала ихъ квартиру въ свою пользу. Надо сознаться, что помещеніе, занимаемое иностранцами, не имѣетъ того заплеваннаго и ободраннаго вида, который приняли всѣ дома, гдѣ хозяйничаютъ соотечественники.

Больше всего говорили, во время собраній, два какихъ-то французскихъ матроса. Говорили безсвязно, главное содержаніе рѣчей была брань противъ офицеровъ. По ихъ словамъ, они бѣжали съ французскихъ военныхъ судовъ, которыя стояли не то въ Одессѣ, не то въ Крыму. Былъ, оказывается, бунтъ французскихъ моряковъ; они обливали водой своихъ офицеровъ, сошли всѣ на берегъ. Поэтому французы должны были покинуть Одессу.

Описанію возстанія было посвящено первое собраніе. На второмъ m-me Costa ораторствовала противъ колоніальной политики европейскихъ державъ.

Всѣ рѣчи были малоубѣдительны. Когда начались пренія, многія скромныя маленькія гувернантки очень остроумно оппонировали и, такъ какъ запасъ аргументовъ у этихъ коммунистовъ не великъ, то они въ концѣ концовъ запретили пренія. Надо сознаться, что внѣшне они не производятъ такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ наши коммунисты. Даже тѣ русскіе коммунисты, которые побывали на Западѣ, не такъ выглядятъ, какъ чисто домашнее производство. У Р. живетъ такой реэмигрантъ изъ Америки. Онъ

чисто одѣтъ, безупречно ведетъ себя, не шумить, ничего не требуетъ. Онъ даже не соглашается съ наиболѣе крутыми мѣрами.

Мнѣ кажется, что Т. правъ: Украина безусловно не сочувствуетъ большевикамъ. Но, кто имъ сочувствуетъ? чѣмъ они держатся? На словахъ, всѣ ихъ ненавидятъ. Подъ «всѣми» я понимаю тѣхъ, кто не принадлежитъ къ коммунистической партіи, потому что только у явнаго большевика можно встрѣтить открыто-сочувственное отношеніе къ совѣтской власти.

Оплоть ихъ, безъ сомнѣнія, Великороссія, хотя пріѣзжающіе оттуда это отрицаютъ. А когда спрашиваешь, откуда ихъ сила, тѣ же люди не даютъ отвѣта. Но не можетъ же власть держаться около 2-хъ лѣтъ, если народъ ее искренно ненавидитъ. Значитъ, чѣмъ-то она кому-то нравится. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять большевизмъ одной пропагандой на нѣмецкія деньги (если таковыя вообще были) или ненавистью евреевъ къ Россіи. Судя по тому, что мы — кievская еврейская буржуазія перенесли отъ большевиковъ, даже самая сильная вражда къ Россіи не могла бы насъ побудить такъ разрушить страну, что мы сами гибнемъ подъ ея развалинами. И, вообще, хотя русскій народъ очень темный, но не такое же это стадо, чтобы 100 милліонами русскихъ вертѣло 4 милліона евреевъ.

Нечего сваливать и на латышей и на китайцевъ. Большевизмъ что-то специфически русское, и, если онъ проявляется у другихъ народностей, населяющихъ Россію, то потому, что онъ заразился у русскихъ, а не наоборотъ.

1-го іюля. Жизнь подтверждаетъ мое мнѣніе. Послѣдніе дни я посѣщаю библиотечные курсы. Это учрежденіе создано большевиками, но при немъ пристроились «безпартійные» интеллигенты. Все русскіе. И отъ ихъ безпартійности сильно пахнетъ большевизмомъ. Уже одно то, что слушатели должны были заполнить анкетный листъ, въ которомъ есть вопросъ: «Ваше отношеніе къ совѣтской власти?» — показываетъ какія требованія были предъявлены лекторамъ. Они имъ подчинились. Подчиняемся мы всѣ. Я тоже написала въ анкетѣ, что мое отношеніе къ совѣтской власти «лояльное». Одинъ лишь Р. осмѣлился написать, что его отношеніе «дѣловое» и, кажется, ему за это сдѣлали выговоръ.

Тонъ лекторовъ странный. Противно слушать, когда они начинаютъ вилать, не рѣшаясь открыто высказаться ни за, ни противъ уничтоженія частныхъ библиотекъ. Рядомъ трескучихъ фразъ напоминаютъ, что мысль одному лицу принадлежать не можетъ, а потому мысли Пушкина, Толстого и др. не могутъ быть заперты въ шкафу у одного богача. И т. д., и т. д.

На-дняхъ было въ Купеческомъ общее собраніе кievскихъ учителей. Предсѣдательствовала Луначарская. Почему-то учительскій союзъ считается контръ-революціоннымъ. За что его такъ обижаютъ, не знаю. Послѣднее собраніе носило вполнѣ большевистскій характеръ. Въ теченіе двухъ часовъ истерически-безтолково не говорилъ, а кричалъ тов. Эпштейнъ изъ недоучившихся экстерновъ. Чего онъ хотѣлъ, онъ, вѣроятно, самъ не зналъ, а слушатели и подавно. Ровно два года назадъ, въ томъ же залѣ я слышала рѣчь Шульгина. Въ сущности она отличалась той же безтолковостью, той же бессодержательностью, такъ же не давала ничего конкретнаго.

3-го іюля. Сегодня насъ разбудилъ шумъ на лѣстницѣ. Я вскочила, опасаясь, что это чека и, можетъ быть, къ намъ. Но оказалось, что это была лишь милиція, уводившая 75-лѣтняго Т. на принудительныя работы.

Б. страшно возмущался поведеніемъ своего коллеги — д-ра Быка, который совѣтуетъ, въ одной изъ своихъ статей, коммунистамъ не только доносить на контръ-революціонеровъ, но дежурить у «Буа», присматриваться къ лицамъ читающихъ телеграммы, прислушиваться къ ихъ разговорамъ, то-есть попросту шпіонить.

Б. внѣ себя отъ паденія нравственности. Бѣдняга, вообще, никакъ не можетъ сообразить, что вокругъ него дѣлается. Между прочимъ, мама должна была ходить къ Быку на поклонъ, когда папа былъ арестованъ. Онъ занимаетъ постъ не только въ наркомадравѣ, но и въ пропагандѣ.

8-го июля. Сегодня приходили шоферы, хотѣли «реквизировать» шахматный столикъ, но Н. нашелся и сказалъ имъ, что они, вѣроятно, ошиблись. Они были милостивы и не настаивали. Последнія нѣсколько недѣль намъ какъ-то везетъ, чтобы не сглазить. Даже судъ со швейцаромъ кончился сравнительно хорошо. Онъ тянется со времени прихода большевиковъ. Въ прошломъ году онъ добровольно ушелъ, никто его не считывалъ, жилъ даже еще нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ. Зимой, не имѣя видно заработковъ, предъявилъ въ профессиональный союзъ на насъ жалобу и искъ. Судились мы долго. Дошло до революц. трибунала, гдѣ бывшіе юристы были съ нами корректнѣе, чѣмъ «товарищи» въ проф. союзахъ. Тамъ, несмотря на вступничество секретаря и юрисконсульта (меньшевики), доходило до невѣроятныхъ грубостей; папу чуть ли не обвинили въ кражѣ самовара. Хотя въ револ. трибуналѣ судья былъ на нашей сторонѣ, онъ не рѣшился открыто оправдать буржуевъ и приговорилъ насъ къ уплатѣ 1000 рублей, что на совѣтскія деньги небольшая сумма, такъ какъ все дорожаетъ не по днямъ, а по часамъ.

Р. рассказывалъ, что въ Москвѣ небольшой семьѣ, чтобы прокормиться, нужно истратить 120 тысячъ въ мѣсяцъ. А главное, тамъ не хватаетъ продовольствія, тогда какъ у насъ все есть. Письма М. полны жалобъ, а помочь ему ничѣмъ нельзя. Посылали ему нѣсколько разъ сахаръ, но онъ его ни разу не получилъ. Возившіе посылки всегда рассказывали, что у нихъ съѣдобное конфисковали, но одинъ откровенно сознался, что счелъ за лучшее взять сахаръ себѣ и предложилъ намъ заплатить за него.

10-го июля. Сегодня утромъ снова брали Т. на принудительныя работы.

18-го июля. Я, кажется, сглавила нашу спокойную жизнь; осматривали нашъ сейфъ; забрали почти все, несмотря на то, что за старое семейное серебро вступились даже знакомые банковскіе чиновники, но комиссары остались непреклонны. Мама упрекала себя за то, что оставила серебро въ сейфѣ, но вѣдь столовое серебро забрали изъ дому, такъ что конецъ одинъ.

Нѣкоторымъ ловкимъ людямъ удается спасти содержимое сейфовъ. Одна знакомая Р. — генеральская дочка — пошла къ главному комиссару надъ банками, просила, плакала и добилась своего: ей позволили вынуть драгоценности матери изъ сейфа.

Когда они съ Р. были въ банкѣ, вламывали сейфъ наследниковъ граф. Х. Оттуда вынули, между прочимъ, связки дорогихъ, старинныхъ кружевъ. Большевики не знали имѣютъ ли они цѣнность или нѣтъ и подошли справиться объ этомъ у Р. и этой барышни. Надѣясь спасти кружева, они сказали, что они не имѣютъ никакой цѣны.

На этой недѣлѣ выѣхали изъ дому m-me Файнштейнъ и Подольскій, реквизировавшіе наше серебро. Они не побрезгали и меньшей добычей, ваяли, на память, тюлевья занавѣски, тюфякъ, постельное бѣлье, даже мебельные чехлы. Но это считается такой мелкой кражей, что не стоитъ о ней говорить. Грязь они завели страшную, но, пожалуй, не большую, чѣмъ семья доктора, занявшая квартиру А. Какъ можно соединить высшее образование съ такой нечистоплотностью. Они никогда не убираютъ квартиру, сушатъ бѣлье въ гостиной и на фасадномъ балконѣ, катаютъ тѣсто, рубятъ котлеты на дубовыхъ буфетахъ, никогда не выносятъ ведра съ помоями, ходятъ въ грязныхъ капотахъ цѣлыми днями.

Какая у нихъ связь съ университетомъ? какое онъ имѣлъ вліяніе на нихъ? Иногда я спрашиваю себя не виной ли всей нашей трагедіи — они — эти представители низовъ, прикоснувшіеся къ культурѣ. Они ея не поняли. Что у нихъ общаго съ наследіемъ долгихъ вѣковъ, выработаннымъ безъ ихъ участія. И, чувствуя себя чужими, видя, что наши требованія, вкусы, нравы не для нихъ, они рѣшили все снести. Отсюда большевизмъ съ его хамствомъ, уничтоженіемъ всей старой культуры и дикими декретами.

Дѣйствительно, зачѣмъ имъ отдѣльные умывальники? можно мыться подъ краномъ. Зачѣмъ шкафы? можно повѣсить платья на стѣнѣ и завѣсить простыней. Зачѣмъ столовое бѣлье? можно ѣсть на клеенкѣ.

Они не имѣютъ культурныхъ потребностей, какъ не имѣютъ ихъ эскимосы; и они хотятъ уподобить насъ себѣ.

До сихъ поръ это имъ блестяще удается: мы уже спимъ по-трое, по-четверо въ одной комнатѣ, все рѣже мѣняемъ бѣлье (мыло дорого), не купаемся (въ водопроводѣ никогда нѣтъ воды).

22-го іюля. Старика Т. снова уводили сегодня утромъ. Каждый разъ онъ откупается, но его снова и снова берутъ. Очевидно, комиссарамъ нравится такой легкой заработокъ. Къ тому же пріятно помучить старика. А мучить окружающихъ — это любимое занятіе коммунистовъ. Напр. поселить опасно больного почками въ сырой квартирѣ, какъ сдѣлали съ К., несмотря на то, что онъ врачъ и какъ таковой пользуется привилегіями, а именно: его не имѣютъ права выселять, онъ не вноситъ бѣльевою повинности. Несмотря на это и на то, что К. лѣчилъ жену коменданта дома, его выселили въ полуподвалъ, а его квартира стоитъ пустая; нзрѣдка туда заходитъ какая-нибудь дѣвица постучать на машинѣ.

Я была у него, и онъ сказалъ, что когда-то сочувствовалъ социалистамъ, надѣялся, что съ ихъ приходомъ къ власти исчезнутъ всѣ несправедливости, а теперь ему кажутся процентная норма и черта осѣдлости дивнымъ сномъ.

Тогда громили только разъ въ пять, шесть лѣтъ, устраивали ритуальный процессъ только каждыя нѣсколько десятилѣтій, наконецъ, тогда былъ открытъ весь міръ, можно было покинуть негостепріимную родину; а теперь гремятъ непрерывно, оплевываютъ.

И это долгожданный социализмъ — эта эра хамства и преступности, когда разнуданы самые дикіе инстинкты!

25-го іюля. Сегодня снова было письмо изъ Варшавы. Привезъ его какой-то полякъ. Онъ рассказывалъ, что пробраться въ Польшу трудно, нечего и думать брать съ собой вещи, деньги. Онъ самъ совершаетъ это путешествіе уже вторично для спекуляціи. Напр. теперь онъ провезъ какъ-то 20 золотыхъ монетъ.

Послѣдній разъ онъ былъ въ Кіевѣ 2 мѣс. тому назадъ и находить, что въ теченіе этого короткаго времени все измѣнилось къ худшему.

За границей, какъ видно изъ письма, не имѣютъ представленія о томъ, что мы переживаемъ. Вѣроятно, въ Вѣнѣ скоро узнаютъ, такъ какъ въ серединѣ іюня отсюда уѣхалъ, случайно застрявшій, вѣнецъ. Этотъ господинъ имѣетъ вдѣсь брата, который хотѣлъ бѣжать при Директоріи, но любовнательный европеецъ убѣдилъ его остаться. Онъ хотѣлъ увидѣть революцію. Двѣ недѣли послѣ прихода большевиковъ, онъ началъ бѣгать по всѣмъ комамъ и консульствамъ «*um aus dieser Hölle herauszukommen*». Но полякъ правъ, здѣсь все хуже и хуже. Магазины исчезаютъ. Ихъ или націонализуютъ или «кооперируютъ», то-есть самъ владѣлецъ превращаетъ свое дѣло въ фиктивный кооперативъ и такимъ путемъ спасаетъ остатки запасовъ. Магазины галантереи и мануфактуры почти совсѣмъ исчезли.

Магазины Цинделя и магазинъ Альшванга превращены въ совѣтскіе книжные склады; то же въ магазинѣ Жирардовскихъ фабрикъ. Въ чайномъ магазинѣ Перлова совѣтская цвѣточная торговля, гдѣ покупать могутъ только коммунисты и совѣтскіе служащіе. Въ первой ювелирной артели продаютъ овощи. Аптеки націонализированы. Надъ ними висятъ черныя доски съ кроваво-красными надписями: «первая совѣтская аптека», «вторая . . .» и т. п.

Несмотря на обиліе книжныхъ магазиновъ, въ нихъ нельзя простому смертному купить книгу. Для этого надо имѣть ордеръ изъ наркомпроса, а получить ордеръ можно только доказавши, что книга необходима какому-нибудь учрежденію. Станный способъ распространенія просвѣщенія. Впрочемъ, просвѣщаютъ совѣтскія изданія плохо: и старые и новые магазины завалены только біографіями Ленина, его рѣчами, дешевыми, но отвратительными исторіями октябрьскаго переворота, теоріями «пролетарскаго искусства».

Хорошія книги можно купить на улицѣ. На каждомъ углу стоитъ ларь или кіоскъ биткомъ набитые прекрасными изданіями. Почему-то уличная свободная торговля позволена, и эти букинисты дѣлаютъ прекрасныя дѣла.

Больно смотрѣть на эти книги Почти всѣ онѣ съ инициалами, многія съ надписями.

Часть ихъ разграблена въ помѣщичьихъ усадьбахъ, другія въ «буржуйскихъ» квартирахъ, третьи, наконецъ, добровольно проданы разоренными владѣльцами.

Встрѣчаются между ними рѣдкіе труды, интересующіе только специалистовъ, напр. «Военная исторія Крымской кампаніи» и т. п.

Мнѣ безумно жаль владѣльцевъ. Изъ всѣхъ гибнущихъ вещей, больше всего жаль книгъ. Онѣ покупались и хранились съ наибольшей любовью.

27-го іюля. Я на службѣ у большевиковъ. Мнѣ стыдно, но любопытство превозмогло: я до сихъ поръ видѣла только отрицательную сторону большевизма, ихъ разрушительную дѣятельность. Хочу увидѣть ихъ творчество, то, чѣмъ они держатся. Вѣдь чѣмъ-нибудь они все-таки держатся. Выбрала для этого нейтральное учрежденіе — губернское статистическое бюро — губстатбюро. (Большевики довели сокращенность названій до какой-то маніи: совнаркомъ, совнарховъ, собесъ, наркомпросъ; сама Россія у нихъ только Р. С. Ф. С. Р.).

Это учрежденіе считаютъ, какъ и совнарховъ, убѣжищемъ буржуевъ и «всякой бѣлогвардейской сволочи», но я рѣшила, что разъ имъ управляетъ коммунистъ, то характеръ его достаточно совѣтскій.

Завѣдующій губстатбюро Хургинъ; его товарищи (не-коммунисты) Волковъ и Бискъ.

Моя должность болѣе чѣмъ скромная: я собираю по телефону свѣдѣнія для ежедневнаго статистическаго бюллетеня. Для этого не стоило кончать университетъ. Правда, мой непосредственный начальникъ — «редакторъ» бюллетеня, — старый инженеръ, а въ сосѣдней комнатѣ сидятъ бывший членъ суда и бывший прис. повѣр. и исполняютъ приблизительно такую-же работу. Они же единственные благовоспитанные люди въ этомъ учрежденіи, составъ котораго очень непріятенъ. На 1500 чиновниковъ рѣдко, рѣдко мелькнетъ интеллигентное лицо.

30-го іюля. Т. снова водили на принудительныя работы. А у насъ новыя хлопоты: бѣготня по ломбардамъ для полученія вещей, бывшихъ въ комиссіонныхъ магазинахъ.

Постановили возвращать вещи только членамъ профессиональныхъ союзовъ. Такъ какъ Н. въ союзѣ, она взяла на себя заботу о полученіи всего изъ ломбарда. Она ходитъ въ ломбардъ почти мѣсяць, и нѣкоторыя вещи ей выдали, но чего только она при этомъ не наслушалась.

Выдача происходитъ въ опредѣленные дни, и тогда ломбардъ биткомъ набитъ людьми; завѣдующій выдачей и его помощники грубы, вороваты, пристрастны. Н. говоритъ, что при малѣйшей жалобѣ или при протестѣ, они грозятъ окончательной конфискаціей, арестомъ въ чека.

Ждать тамъ приходится часами. Положимъ къ этому мы уже привыкли: мы вѣчно ждемъ — въ очередяхъ, въ прихожихъ коммунистовъ; ждемъ избавленія отъ послѣднихъ. Придетъ ли оно? Меня уже давно удивляетъ одно: раньше я не могла сидѣть въ бездѣйствіи, ждать минуту; меня возмущало, когда заставляли ожидать даже прислугу въ передней, кучера у воротъ, а теперь я и всѣ окружающіе, мы часами терпѣливо ждемъ — бездѣйствуемъ. На нашихъ лицахъ я вижу то же тупое, бессмысленное выраженіе, какъ у посыльныхъ, у заждавшейся прислуги.

3-го августа. Полтава пала — значитъ помощь близка, а то нѣтъ уже силъ. Нѣтъ силъ выносить это хамство.

Неужели будетъ время, когда не будутъ видны эти бессмысленныя, звѣрскія рожи, когда грубость и грязь не будутъ засѣдать на почетныхъ мѣстахъ.

Есть счастливыя, которымъ удастся и теперь освободиться: они бросаютъ все и уѣзжаютъ, хотя бы въ Польшу. Недѣли 2 тому назадъ удрали такъ двое — Л. и З.

7-го августа. Вчера нашъ почти 3-хъ-мѣсячный отдыхъ былъ прерванъ. Дѣйствительно, съ 18-го мая, (когда папа вернулся изъ чека) мы лично не страдали. Зато вчерашній вечеръ былъ бурный.

Часовъ въ 7 веч. къ намъ позвонили, но такъ спокойно, что я даже не обратила вниманія. (Обыкновенно можно сразу отличить по силѣ коммунистической звонокъ). Папа самъ отворилъ двери. Въ переднюю ворвалось трое военныхъ и, угрожая револь-

верами, они потребовали ключъ отъ виннаго погреба. Папа повинувался и, конечно, нѣсколько сотъ бутылокъ вина пропало. Но, такъ какъ декрета о реквизиціи частныхъ винныхъ погребовъ нѣтъ и они опасались, что мы обратимся къ кому-нибудь за помощью (къ кому?), то они разыграли такую комедію: одинъ изъ нихъ все время стоялъ около папы и кричалъ: «За это укрывательство есть одно наказаніе — разстрѣль!» Другіе были заняты подсчетомъ бутылокъ. Наконецъ, они рѣшили, что такое преступленіе не можетъ закончиться одной реквизиціей вина; нужно сдѣлать обыскъ. Съ этимъ они ушли за особымъ отдѣломъ 12-ой арміи. Мы воспользовались ихъ уходомъ и отдали знакомымъ самое цѣнное. Но обыскъ прошелъ болѣе, чѣмъ благополучно. Намъ даже оставили на память 3 бутылки водки. Кажется, благотворно повліялъ, производившій обыскъ офицеръ — армянинъ, до того приличный, что, когда онъ нашелъ въ письменномъ столѣ какую-то кадетскую повѣстку, то только покачалъ головой и разорвалъ ее, а затѣмъ далъ себя уговорить ограничиться обыскомъ безъ ареста.

Обыскали очень корректно. Все настаивали, чтобы кто-нибудь стоялъ при обыскивающемъ во избѣжаніи недоразумѣній и подозрѣній. Одинъ изъ нихъ шепнулъ И.: «Я — рабочій, и если бы вы знали, какъ мнѣ все это противно!» Зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ? кто его ваставляетъ? партійная дисциплина? зачѣмъ же онъ вступилъ и остается въ этой партіи? Это просто русское фразерство. Если бы «они» этого не хотѣли, если бы имъ это не нравилось, то большевизма давно бы не было. Потомъ, на прощаніе надо было жать имъ руки.

Я впервые видѣла обыскъ настоящій, тщательный обыскъ. Это безконечно унижительно! когда просматриваютъ письма, книги, такое чувство будто раздѣваютъ публично.

И хуже всего это униженіе и бессиліе. Боязнь сказать что-нибудь — не то, что сдѣлать. За мой протестъ можетъ пострадать кто-нибудь изъ близкихъ. А я бы такъ хотѣла мстить, мстить этимъ хамамъ, которые насъ оплевываютъ. И за эти чувства, которыя они возбудили во мнѣ, я ихъ еще больше ненавижу. Они все разрушили, все — чему я вѣрила, на что надѣялась, для чего жила. Я чувствую, что становлюсь такимъ же звѣремъ, какъ они. Мнѣ совсѣмъ не жаль теперь человѣческой жизни.

10-го августа. Деникинцы приближаются и большевики, безъ сомнѣнія, эвакуируются. На Прорѣзной находится военнаркомъ и по ночамъ слышно, какъ изъ него что-то выносятъ. Даже днемъ около него стоятъ вагоны трамвая, которые нагружаютъ полными мѣшками.

Но въ городѣ все еще по-старому; развѣ увеличилось количество безобразныхъ футуристическихъ плакатовъ. Несмотря на ихъ яркія краски, улицы все грустнѣй и пустыннѣй. Площади и скверы обезображены уродливыми бюстами совѣтскихъ дѣятелей. На Софійевской площади красуются Ленинъ и Троцкій. Передъ входомъ на площадь со стороны Владимирской улицы возвышаются огромныя триумфальныя ворота. Такія же ворота построены на Крещатикѣ, недалеко отъ почты. Передъ памятникомъ Богдана Хмѣльницкаго стоитъ трибуна. Такихъ трибунъ въ Кіевѣ нѣсколько. Съ нихъ проианосятъ рѣчи во время официальныхъ празднествъ. Кстати, объ этихъ празднествахъ. Л. рассказывалъ мнѣ, что 1-го мая, когда по городу носили бюсты и портреты К. Маркса, какой-то рабочій съ недоумѣніемъ разспрашивалъ его и другихъ сосѣдей о томъ, кто такой Карлъ Марксъ?

Городской театръ называется театромъ Либкнехта, а драматическій — Ленина. Кажется, ни тотъ, ни другой со сценическимъ искусствомъ ничего общаго не имѣютъ.

Названія улицъ также измѣнены, такъ что старожилы совершенно не могутъ ориентироваться, ибо большевики строго придерживаются своихъ названій.

Изъ всѣхъ переменъ я запомнила только одну, вѣроятно, вслѣдствіе рѣзкости контраста: Столыпинская навывается теперь улицей Гершуни.

Вообще, большевики такъ дѣйствуютъ, какъ будто они хотятъ вычеркнуть изъ народной памяти все бывшее.

Передъ городской думой, на пьедесталѣ столыпинскаго памятника, возвышается какая-то гипсовая неразбериха, долженствующая олицетворять Всеобщую, то-есть, Всеобщее военное обученіе.

Скамейки въ оадахъ почти исчезли. Уже въ первый годъ революціи ихъ ломали митингующіе солдаты. Многія старыя деревья въ Царскомъ саду срублены. Что то будетъ этой зимой, когда при хозяйствѣ совнархоза совсѣмъ не сдѣлано запасовъ дровъ?

Маріинскій садъ превратился въ кладбище. Въ 18 г. лѣтомъ воздухъ во всѣхъ Липкахъ былъ зараженъ благодаря этому саду. Теперь часть могилъ приведена въ порядокъ. Большевики и теперь хоронятъ тамъ нѣкоторыхъ военныхъ. Но могила, находящаяся внѣ сада, со стороны дворца, поросла сорной травой, заброшена.

Липки — пустыни. Большая часть домовъ разворены. Мимо чека никто охотно не проходитъ. Тамъ даже нельзя ходить, такъ какъ Екатерининская отгорожена со стороны Липскаго переулка.

На каждомъ углу сидятъ торговки хлѣбомъ. Цѣна его достигла 50 руб.

Есть еще боковыя улицы за университетомъ, гдѣ нѣтъ пока слѣдовъ большевизма. Онѣ очень красивы лѣтомъ, полны садовъ. Туда мы ходимъ отдыхать и мечтать объ избавленіи.

13-го августа. Эвакуація явно продолжается, но у насъ въ учрежденіи все спокойно.

Сегодня были дома новыя непріятности: насъ шантажируетъ плотникъ, когда-то работавшій для насъ. Онъ прислалъ черезъ профессиональный союзъ требованіе заплатить ему несуществующій долгъ. Въ случаѣ неуплаты, онъ грозитъ революціоннымъ трибуналомъ. У всѣхъ тѣ же непріятности со служащими и прислугой. П. говорила мнѣ, что кухарка обвиняла ея тетку въ кражѣ гребня.

15-го августа. Большевики стремглавъ бѣгутъ. Если не случится чего-нибудь ужаснаго, добровольцы возьмутъ Кіевъ. Появилась даже нелегальная добровольческая гавета съ воззваніемъ Деникина. Онъ обращается ко всѣмъ слоямъ населенія. Тонъ очень приличный, кромѣ абзаца, относящагося къ евреямъ: совѣтуетъ выдѣлить изъ своей среды вредные элементы и т. п. Старые напѣвы! Круговая порука. При царѣ естъ евреи предатели, а при Деникинѣ естъ они — большевики. А естъ русскіе, они всегда что?

Но не надо раздражаться. Можетъ быть, моя еврейская обидчивость все преувеличиваетъ, хотя безусловно христіане видятъ въ нашихъ глазахъ щепки, а у себя бревень не примѣчаютъ.

18-го августа. Цѣны очень быстро поднимаются, вѣроятно, изъ за недовѣрія къ совѣтскимъ деньгамъ, такъ какъ подвозъ совершенно свободенъ.

Эвакуація во всемъ разгарѣ. Сегодня мы сошли къ гавани, такъ какъ все вывозится по Днѣпру, а мы хотѣли насладиться зрѣлищемъ большевистскаго бѣгства. У берега стоятъ десятки баржъ, ихъ грузятъ кіевскимъ добромъ: мебелью, автомобилями, экипажами, полными ящиками.

Видъ такой, какъ бы эвакуировался непріятель, желающій нанести возможно большій матеріальный ущербъ покидаемому городу, а не правительство, отступающее передъ бунтовщиками. Вѣдь, въ сущности, таковымъ должно быть отношеніе большевиковъ къ добровольцамъ. Пора первымъ уходить, а то всѣ стануть ворами, какъ напр., нашъ плотникъ. Мы съ нимъ помирились, такъ какъ оказалось, что его шантажируютъ его рабочіе; онъ денегъ не имѣетъ, боится ихъ и рѣшилъ выместить все на насъ, какъ болѣе состоятельныхъ.

Борьба за существованіе! Соціалисты всегда возмущались ею, но оказывается, что ихъ режимъ увеличилъ ее до ужаса. Всякій старается утопить другого лишь бы спастись самому.

22-го августа. Хлѣбъ уже стоитъ 90 руб. фунтъ. Р. рассказывалъ, что жена одного изъ курьеровъ совнархоза, торгующая хлѣбомъ, имѣетъ мѣсячный оборотъ въ 400 тысячъ рублей. Ея мужъ поэтому потребовалъ увеличенія жалованія, не желая быть на содержаніи у жены.

На прощаніе большевики дѣлаютъ страшные повальные обыски, приводятъ будто бы женщинъ, для того, чтобы обыскивать буржукъ. Нашъ домъ пока избѣжалъ повальнаго обыска, ограничились одной квартирой.

Э., живущій въ 21 № по Прорѣзной, рассказывалъ, что у нихъ уже нѣсколько разъ дѣлалось что-то страшное: искали въ рамкахъ картинъ, въ резервуарахъ, въ котлахъ, въ вентиляторахъ. Кажется, ничего особеннаго не нашли, но, мимоходомъ, порядочно ограбили жильцовъ; вывели груды бѣлья и платьевъ.

Угроза болѣе страшная, чѣмъ обыски — это аресты заложниковъ. Уже чека полна заложниковъ, которыхъ разстрѣляютъ или, въ лучшемъ случаѣ, увезутъ въ Москву.

Многіе не ночуютъ дома. Иные совсѣмъ не приходятъ домой. Я., возвращаясь домой, слѣзаетъ съ извозчика за угломъ, потомъ, озираясь, подходитъ къ собственнымъ дверямъ: онъ все боится засады. Конечно, христіане будутъ говорить, какъ М., что евреямъ ничто не грозитъ, но Л., Г., Л-мъ и М. сидятъ въ чека, ожидая высылки въ Москву, уже не говоря о менѣ крупныхъ.

Кромѣ того, многіе заключены въ концентраціонный лагерь, какъ саботажники или безработные буржуи.

Недавно сюда прибылъ Петерсъ. Ему приписываютъ славу спасенія Петрограда отъ Юденича и, вѣроятно, надѣются, что онъ спасетъ Кіевъ отъ Деникина.

А вдругъ дѣйствительно спасетъ? Мы были увѣрены, что Ю. возьметъ Петроградъ, и сами питерцы въ это вѣрили. Получались письма съ сообщеніями, что «дядя» близко. Онъ былъ, кажется, въ 10 верстахъ и . . . не дошелъ.

Колчаку тоже все хуже и хуже. Бѣдный Р., весной такъ надѣялся на него! Сначала доморощенные стратеги объясняли его отступленіе причинами высшаго стратегическаго порядка, но онъ, видно, отступаетъ, потому что не можетъ бороться.

Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о томъ, что разрабатывается декретъ о переселеніи буржуевъ на Трухановъ островъ.

На этой почвѣ у насъ былъ слѣдующій инцидентъ: одну комнату у насъ реквизировалъ докторъ (заурядъ-врачъ). Онъ часто возвращается навеселѣ, и сегодня въ 2 ч. ночи вдумалъ телефониловать къ своей пріятельницѣ. Когда мама вышла изъ спальни и сдѣлала ему замѣчаніе, онъ закричалъ: «Молчать, а то завтра будете на Трухановомъ островѣ!»

24-го августа. Хотя газеты храбрятся и заявляютъ, что «на подступахъ къ Кіеву Деникинъ найдетъ свою смерть», изъ всего видно, что освобожденіе Кіева неминуемо. У насъ въ учрежденіи вдругъ заплатили служащимъ ликвидаціонныя. Уже нѣсколько дней нельзя говорить по телефону, а мы кіевляне — люди опытные и знаемъ, что запрещеніе говорить по телефону и рытье окоповъ означаютъ близость непріятеля — побѣдителя. Кажется, уже гонять на окопы около Дарницы; при чемъ гонять исключительно буржуевъ.

На-дняхъ стала выходить новая газета — органъ чрезвычайки — «Красный Мечъ». Она выходитъ по воскресеньямъ, очевидно, чтобы усладить отдыхъ гражданамъ Р. С. Ф. С. Р.. Это новое, цѣнное изобрѣтеніе пролетарскаго строя. До сихъ поръ вастѣнки не имѣли своихъ органовъ печати. Я сохранила одинъ номеръ. Къ сожалѣнію, я ничего почти не сохранила на память о революціи, но думаю, что одинъ экземпляръ этой газеты замѣнитъ цѣлый архивъ*.

Это такой звѣрскій цинизмъ, что нельзя даже понять откровенности авторовъ. Они открыто высказываютъ самыя страшныя, самыя низменныя мысли, которыя человѣкъ обыкновенно прячетъ глубоко въ себѣ.

И все таки есть большевики, которые продолжаютъ носиться съ мыслью благодѣтельности челоѣчества. Они до сихъ поръ громятъ «капиталистическія» войны. Я помню остроумныя, интересныя статьи Троцкаго въ «Кіевской Мысли», когда онъ описывалъ сербское отступленіе 1915 г. Казалось, что онъ плачетъ надъ бѣдными сербскими солдатами. Очевидно, онъ всю свою жалость отдалъ имъ, оставивъ намъ только звѣрство.

Это звѣрство Горькій громилъ еще въ «Лѣтописи». А теперь онъ очень хорошо уживается съ нимъ. Говорятъ, что его квартира въ Москвѣ настоящій музей — все продаваемые буржуями предметы искусства.

* Къ сожалѣнію, и этотъ номеръ пропалъ

25-го августа. Сегодня подь вечерь въ домъ ворвалось трое солдатъ. Они вызвали предсѣдателя домкома и съ нимъ стали обходить всѣ квартиры, требуя одѣяль и матрацовъ для арміи. Они не только требовали, а рылись въ постеляхъ и сами забирали то, что имъ нравилось. Я всегда при такихъ сценахъ каменью и, молча, уступаю. Ужъ очень унизительно просить о чемъ бы то ни было этихъ хамовъ. Поэтому вещи, порученныя моею опеку, очень быстро идутъ на народную пользу.

Но другіе жильцы пробовали защищать свое имущество, поэтому на лѣстницѣ поднялся невѣроятный шумъ, давшій мало положительныхъ результатовъ.

Собравъ достаточную дань, между прочимъ, бѣлое шелковое одѣяло у Д. (для арміи!), красноармейцы тутъ же въ нашемъ дворѣ стали продавать краденое.

Такъ, по-маленьку, мы останемся безъ рубахи (что не «конфискують», то придется продать — хлѣбъ уже дороже 100 р. фунтъ). Вчера одна изъ сослуживиць (нѣкая Гринштейнъ) сказала мнѣ, что ея семью выселеніемъ изъ квартиры совершенно разворили. А сколько такихъ семействъ? Все, что люди собирали поколѣніями, здѣсь въ Кіевѣ, за полгода, пошло прахомъ.

26-го августа. Сегодня снова врывались солдаты и снова рылись въ постеляхъ. Охъ! эти морды, эти «коммунистическіе» локоны изъ жирныхъ волосъ, вылъзающіе изъ подъ засаленныхъ, сдвинутыхъ, по-пьяному, на ватылокъ фуражекъ; этотъ стукъ винтовокъ о полъ, рѣзніе звонки, брань, и испуганныя, измученныя лица буржуевъ.

Нѣкоторые люди, напр. старикъ Б., мѣсяцами не выходятъ изъ дому. Но въ томъ то бѣда, что «они» приходятъ въ домъ, «они» не хотятъ, чтобы кто-нибудь хоть одну минуту жилъ и дышалъ спокойно.

Но это уже предсмертныя конвульсіи. Въ статистическомъ бюро сняты телефоны и мнѣ приходится ходить по учрежденіямъ собирать свѣдѣнія. Это гораздо интереснѣе, чѣмъ сидѣть въ телефонной будкѣ. Я была даже въ одной изъ канцелярій чека, правда, въ очень скромной, той, которая выдаетъ пропуска на выѣздъ. Она находится въ хорошенькомъ одноэтажномъ домѣ на Екатерининской. Передъ ней стоитъ огромная очередь, жаждущихъ получить пропускъ. Бываю на биржѣ труда, въ больничныхъ кассахъ — все меньшевистскія учрежденія, члены которыхъ имѣютъ иногда недоразумѣнія съ властями.

Владѣлецъ типографіи, въ которой печатается нашъ бюллетень, разъ робко спросилъ меня, каковы политическія новости? По его глазамъ было видно, что онъ хотѣлъ услышать такой отвѣтъ: «Мое учрежденіе эвакуируется». Я отвѣтила уклончиво: «Кажется, на фронтѣ неважно!»

За эту недѣлю я видѣла немало учреждений, и у меня сложилось такое впечатлѣніе: сидятъ тысячи людей, получаютъ жалованіе, считаютъ, пишутъ и, въ сущности, ничего не дѣлаютъ. Никому ихъ работа не нужна, ни странѣ, ни частнымъ лицамъ. Да это и не работа, а переливаніе изъ пустого въ порожнее.

Трудъ дворника, дровосѣка болѣе полезенъ для нихъ же, чѣмъ ихъ семичасовое высиживание въ грязныхъ, неподметенныхъ комнатахъ.

И они сами это отлично чувствуютъ; большую часть дня болтаютъ, уходятъ со службы, никто не скрываетъ своего халатнаго отношенія.

27-го августа. Сегодня приходили забирать швейную машину, но двери открыла Б. и заявила, что она квартирантка, ничего не знаетъ, а хозяевъ нѣтъ. Комиссаръ не настаивалъ и ушелъ, указавъ только, гдѣ надо зарегистрировать машину.

Прямо копія изъ сатиры Рихтера: рояль мы уже зарегистрировали, пишущую машину тоже, теперь очередь за швейной.

Къ чему имъ частныя машины и музыкальные инструменты? Конечно, только, чтобы шиканировать буржуевъ, потому что И. говоритъ, что, когда она пошла по адресу, оставленному комиссаромъ, зарегистрировать машину, она видѣла, что въ книгахъ, рядомъ съ номеромъ машины отмѣчали кто ея владѣлецъ: «буржуй», «трудящійся», «докторъ».

У первыхъ, конечно, машины заберутъ въ національныя швальни, въ которыхъ отвратительно шьютъ. Р. заказалъ себѣ въ такой швальнѣ косоворотку; ее шили очень долго, наконецъ, выдали безъ пуговиць и криво скроенную.

У него десять костюмовъ, но онъ долженъ былъ заказать себѣ эту сатинетовую рубаху, потому что ему сдѣлали вышнєнїе за то, что онъ слишкомъ элегантенъ.

Теперь я понимаю, почему всѣ мои сослуживцы имѣютъ такой неопрятный видъ.

28-го августа. Хлѣбъ стоитъ отъ 120—140 р. фунтъ. Вѣроятно, для многихъ онъ недостижимъ. Я уже нѣсколько разъ покупала для Т. Несчастливая старуха не хочетъ прикасаться къ своимъ сбереженїямъ и отказываетъ себѣ въ кускѣ хлѣба. Въ тѣ дни, когда она ѣсть у насъ, она счастлива, потому что она должна себѣ варить на керосинкѣ, которую она разогрѣваетъ кусочками дерева (керосина давно нельзя достать); дымъ ей выѣдаетъ глаза, разъ она чуть не угорѣла. Всю зиму она собирала щепки на улицахъ. При распредѣленїи кїевлянъ по категорїямъ, она какимъ-то образомъ попала въ 3-ью и ничего не получаетъ. Положимъ, нашъ горпродкомъ такъ работаетъ, что никто почти ничего не получаетъ по карточкамъ.

Судя по сводкамъ, большевикамъ все хуже, но они, видно, рѣшили защищать Кїевъ серьезно, потому что съ каждаго дома взяли людей на окопныя работы. Вчера въ 4 ч. утра потащили въ районъ и 60-лѣтняго К., но онъ доказалъ, что онъ французскїй гражданинъ и его освободили.

30-го августа, 7 ч. веч.

Уходятъ! уходятъ! уходятъ!

Въ теченїе недѣли я переходила отъ надежды къ отчаянїю, но теперь видно, что они уходятъ.

Городъ имѣетъ страшный видъ. Все мертво, заколочено, только солдаты бѣгутъ по улицамъ и стрѣляютъ въ воздухъ.

Еще утромъ мы не думали, что освобожденїе такъ близко. Утро было ужасно: въ газетѣ списокъ 67 разстрѣлянныхъ въ прошлую ночь. Есть знакомыя фамиліи.

Но на службѣ уже говорили, что Хургинъ уѣзжаетъ и, что всю ночь жгли бумаги; раисказывали, что всю перепись потопили въ Днѣпрѣ. Очень жалко! это была ихъ единственная осмысленная работа.

Къ 3-мъ час. все стало ясно. Р., который никогда не передаетъ слуховъ, вернувшись изъ совнархоза, скавалъ Н.: «Сегодня они уходятъ, «анатные» большевики уже уѣхали.» Теперь онъ жжетъ какіе-то документы. Онъ, кажется, свободно вздохнулъ и потому что ушли большевики, и потому что приходятъ добровольцы, а не Петлюра: онъ почему-то очень боится Петлюры.

Я знаю многихъ русскихъ (даже монархистовъ), которые такъ ненавидятъ украинцевъ, что предпочитаютъ имъ большевиковъ. П. еще лѣтомъ убѣждала меня, что и евреямъ лучше будетъ при добровольцахъ, чѣмъ при Петлюрѣ. Дѣйствительно, несмотря на то, что они имѣютъ министра по еврейскимъ дѣламъ, украинцы вырѣзываютъ цѣлыя мѣстечки. Но въ этомъ отношенїи, я и на добровольцевъ большихъ надеждъ не возлагаю. Я только думаю, что при нихъ легче будетъ уѣхать.

Часовъ въ 5 веч. я вышла полюбоваться эвакуаціей. Уже было мало людей на улицахъ. По Владимирской и Фундуклеевской тянулись обозы, напоминающїе большевистское отступленїе 1918 г. Уже полтора года! А послѣ октябрьскаго переворота «Русскїя Вѣдомости» писали, что власть дана большевикамъ только на недѣли. Ужъ очень длинны эти недѣли!

Въ Николаевскомъ паркѣ я завѣсилась. Хотѣла знать, какъ отравился большевикъ на моемъ вѣдоровьїи. Видно, нехорошо, такъ какъ мой вѣсъ неприличенъ: 2 п. 38 ф. Неудивительно! мы все хуже и хуже питаемся. На 9 взрослыхъ человекъ уходитъ въ день только 2 фунта мяса.

31-го августа. Не хорошо, такъ не хорошо на душѣ. Уѣхать! только уѣхать изъ этой страны злобы и ненависти! Какъ я могла одну минуту надѣяться, обманывать себя? Мнѣ казалось, что, если мы страдали вмѣстѣ, то и радоваться можно такъ же. Какъ радужно начался и, какъ грустно кончился день входа добровольцевъ въ Кїевъ!

Ночь была плохая. По своему обыкновенїю, большевики, уходя, выместили свою неудачу на мирномъ населенїи, и часовъ отъ 10 веч. до 1 ч. ночи безжалостно обстрѣливали Кїевъ съ Днѣпра. Повреждено не мало домовъ. Они могли отступать только по

Дніпру къ Чернигову, такъ какъ по шоссе шли добровольцы, а отъ Фастова галичане.

Ночью въ городѣ не было власти. Когда обстрѣлъ прекратился, мы прилегли, но въ 7 ч. насъ разбудили новые выстрѣлы. Слышно было жужжаніе снарядовъ. Мы опасались, что повторятся Муравьевскіе дни и, подъ конецъ, большевики снова завладѣютъ Киевомъ. Но страхи были напрасны. Стрѣльба вскорѣ прекратилась. Въ городѣ вступали галичане и первые развѣзды добровольцевъ.

Все христіанское населеніе высыпало на улицу. Евреевъ было сравнительно мало; видно, они уже чуяли вражду. До полудня настроеніе было мирное, радужное. Добровольцы и галичане привѣтствовали другъ друга, слово «жидъ» еще не жужжало. У всѣхъ были веселыя лица. Какой-то полякъ подбѣжалъ къ знакомому, крѣпко пожалъ ему руку, говоря: «Неправда ли, какое счастье, что мы дожили до такого дня!» Словомъ выглядѣло немного такъ, какъ въ первые дни «улыбающейся» революціи.

На Крещатикѣ, тамъ гдѣ висѣли телеграммы Бупа, висѣло уже воззваніе временнаго комитета при городской управѣ.

Но къ полудню картина измѣнилась. На улицахъ появились представители и представительницы тѣхъ слоевъ общества, которые любятъ смотрѣть на всякое зрѣлище (даже на разстрѣлы офицеровъ, какъ было въ 18 г.) и даже принимать въ нихъ участіе. Это было большей частью мелкое мѣщанство, прислуга. Толпа стала съ какимъ-то ввѣрскимъ воемъ и хохотомъ срывать большевистскіе плакаты, разбивать бюсты, ломать деревянныя сооруженія. Потомъ рассказывали, что какія-то расходившіяся бабы превратили голову бюста Троцкаго въ извѣстный сосудъ.

Послѣ 2-хъ часовъ стали возникать манифестаціи. Огромная толпа двигалась по Крещатику къ думѣ. Вдругъ выстрѣлъ, крики. Къ счастью кончилось избіеніемъ одного лишь господина — русскаго, такъ какъ его принялъ за еврея какой-то субъектъ, которому онъ нечаянно отдалъ моволь. Оказывается, что по городу распространился слухъ, что евреи будутъ стрѣлять изъ оконъ въ добровольцевъ; выстрѣлъ былъ провокаторскій, но погрома вызвать не удалось. Я вторично вышла на улицу и пошла въ Липки. По Крещатику проходила украинская манифестація, довольно жалкая.

Въ Липкахъ всѣ помѣщенія чрезвычайекъ были открыты. Ихъ облегалі огромныя толпы. Женщины висѣли на заборахъ, жадно заглядывая въ щели. Дѣйствительно, говорятъ, что внутри чека было ужасно. Рядъ наиболѣе красивыхъ домовъ превращенъ въ вастѣнки, въ которыхъ происходили оргіи, полы покрыты грудями разорванныхъ бумагъ, разбитыхъ бутылокъ, поломанныхъ столовъ и стульевъ. Ужаснѣе всего въ домѣ № 5 по Садовой; тамъ въ саду были разстрѣляны и тутъ же закопаны послѣднія 67 жертвъ. Каретный сарай или конюшня въ этой усадьбѣ уже давно служили вастѣнкомъ, тамъ былъ устроенъ даже стокъ для крови. Трупы разстрѣлянныхъ совершенно наги.

Когда мы отходили отъ этой усадьбы, къ ней приближался церковный ходъ съ хоругвями и иконами. На лицахъ шествующихъ было видно больше злобы и ненависти, чѣмъ радости и благодарности. Можно было читать въ глазахъ этихъ людей желаніе мстить, посчитаться съ личными врагами, подъ предлогомъ преслѣдованія коммунистовъ.

Въ толпѣ кто-то рассказывалъ, что растерзали коммунистку-еврейку. Какая-то женщина визгливымъ, истерическимъ голосомъ проклинала евреевъ. Была та же ненависть, то же звѣрство, что при большевикахъ.

Только ухъать, ухъать отъ этихъ звѣрей. Вечеромъ гроза, висѣвшая надъ городомъ, разразилась. Заработали пулеметы. Продолжалось это недолго, но результатомъ было бѣгство галичанъ изъ Киева. У думы произошло столкновение между украинцами и великороссами. Кто-то сорвалъ чей-то флагъ, завязалась драка, началась стрѣльба.

Только что освободили одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ и уже внесли раздоръ и ненависть. Потомъ русскіе будутъ возмущаться еврейскимъ коммунизмомъ и украинскимъ сепаратизмомъ. Сегодня же вышла первая не-большевистская газета «Вечерніе Огни». Она сообщаетъ, что Дніпровская флотилія нарочно бомбардировала церкви. Это камень въ еврейскій огородъ, но не совсѣмъ удачно. Всѣ матросы флотиліи, конечно русскіе, комендантъ ея Полупановъ.

Можетъ быть, онъ нарочно обстрѣливалъ свои русскія церкви, убили же лаврскіе послушники своего митрополита въ 1918 г., но объ этомъ говорили гораздо меньше, чѣмъ о самомъ незначительномъ коммунистѣ-евреѣ.

Теперь, черезъ минуту, я уже стыжусь тѣхъ строкъ, которыя мнѣ диктовала злоба. Когда хочу приписать особую злобу или подлость русскимъ, сейчасъ же вспоминаю, что точно такія преступленія совершали въ такіе же моменты и другіе народы.

1-го сентября. Трудно прощать при такихъ условіяхъ. Власть, конечно, нарочно оставляетъ чека открытыми для всѣхъ; она такъ же смотритъ сквозь пальцы на дикія, уличныя сцены, когда толпы, преимущественно женщинъ, набрасываются на евреевъ и евреекъ и избиваютъ ихъ до смерти, подъ предлогомъ, что это коммунисты. Конечно, всѣ эти жертвы ничего общаго съ коммунизмомъ не имѣютъ, но, кажется, такія выступленія были заранѣе подготовлены, такъ какъ я еще вчера замѣтила, что многія брюнетки носятъ нашейные крестики поверхъ одежды. Христіане знали о томъ, что будетъ дѣлаться на улицахъ. Есть между ними рѣдкія исключенія: Р. вернулся возмущенный избиеніемъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Сегодня же я испытала, впервые въ жизни, лично, что такое травля евреевъ. До сихъ поръ я страдала отъ «еврейскаго вопроса» только пассивно. Во мнѣ почему-то не узнаютъ еврейку и меня не оскорбляютъ. Правда, вато я не разъ должна слышать изліянія о «жидахъ». Обыкновенно я прерываю собесѣдника заявленіемъ, что и я — еврейка; тогда онъ краснѣетъ, заикается, мнется и спѣшитъ заявить, что «вы такъ не похожи, извините, . . . я не говорилъ объ интеллигентныхъ евреяхъ» . . . и т. д., и т. д.

Но сегодня мы шли съ обѣими К. по Фундуклеевской. Шли мирно. Сначала мимо насъ проѣхалъ автомобиль съ военными, за которымъ бѣжала съ восторженными криками толпа. Автомобиль проѣхалъ. Его замѣнила густая толпа, несущаяся въ противоположномъ направленіи. Тащили съ воемъ и криками «Бошь» въ контръ-развѣдку. Въ дѣйствительности это была невинная еврейка, которую контръ-развѣдка сейчасъ же отпустила.

Мы шли дальше, не останавливаясь; вдругъ, мы услышали чью-то брань по нашему адресу. Какая-то старуха кричала, что жида убили ея сына, что мы, навѣрное, чекистки, съ которыми пора расправиться.

К. испуганно молчали, но я не выдержала и крикнула старухѣ, чтобы она отстала. Брань и крики увеличались. На наше счастье толпа исчезла за угломъ, не обративъ на насъ вниманія. Своеобразное участіе приняла въ насъ одна русская дѣвица, которая посовѣтовала мнѣ не волноваться и не ходить гулять въ такіе дни въ виду возбужденности населенія. Старухѣ она ничего не сказала.

Мой начальникъ рассказывалъ мнѣ, что евреямъ, жалующимся на ограбленіе, деникинскіе офицеры отвѣчаютъ: «Разъ ты жидъ, такъ тебѣ и надо». Я боюсь, чтобы это дикое отношеніе не толкнуло евреевъ окончательно въ сторону большевиковъ. Пока, мелкая еврейская буржуазія антибольшевистски настроена, но такая травля возбуждаетъ желаніе мстить. Каждый еврей скажетъ: если русскій можетъ быть погромщикомъ, то я могу быть большевикомъ.

5-го сентября. Добровольцы идутъ церемоніальнымъ маршемъ. Если такъ пойдетъ дальше, то къ Рождеству они будутъ въ Москвѣ. Дай Богъ! можетъ быть, тогда все измѣнится. У власти стануть другіе люди, а не генералы въ родѣ Бредова и Драгомирова. Все таки уже 5 ночей мы спимъ спокойно; вѣдь послѣдніе 3 мѣсяца я спала полуодѣтая, въ вѣчномъ ожиданіи обысковъ и арестовъ. И этотъ паническій страхъ изнуряетъ, измучиваетъ больше всего

Безусловно все дикое звѣрство внесъ большевизмъ и чѣмъ дольше онъ держится, тѣмъ больше всѣ звѣрѣютъ. Б. рассказывала мнѣ, что на-дняхъ какая-то простая женщина сказала ей: «Я знаю, что напрасно все на евреевъ сваливаютъ. И вамъ плохо, и намъ нехорошо. Со злости и съ горя другъ на друга бросаемся». Но много ли такихъ людей, которые отдають себѣ отчетъ? Большинство, какъ Шульгинъ, подражаютъ «Красному Мечу». Все таки на улицахъ видны снова веселыя лица. Люди возятъ и носятъ свои, найденныя вещи, возвращаются въ собственныя квартиры

На почвѣ «нахожденія» и «возвращенія» вещей происходят недоразумѣнія. Многие разносили бѣлье, платья, драгоценности по знакомымъ. Теперь возвращаютъ не полностью, сваливая исчезновенія на кражи при обыскахъ или же на прислугу. Это бывало и раньше. Во время обыска М. дала сосѣдкѣ свои серьги. Та въ теченіе получаса ухитрилась ихъ «потерять».

8-го сентября. Евреевъ выбрасываютъ изъ поѣздовъ и убиваютъ на станціяхъ. Солдаты на какой-то станціи, между Кіевомъ и Харьковомъ, хотѣли разстрѣлять Э. Его спасло вмѣшательство 2-хъ солдатъ-евреевъ, и онъ отдѣлался избіеніемъ. Въ Кіевѣ боятся погрома. Несмотря на воззваніе властей, еврейскіе магазины стали открываться только послѣдніе 2—3 дня.

Я умоляю нашихъ уѣхать. Въ такой атмосферѣ жить невозможно. Семь мѣсяцевъ насъ травилъ одинъ хамъ, теперь другой.

Большевики все стоятъ на Ирпенѣ, въ 20 в. отъ Кіева. На Бибиковскомъ бульварѣ и на Нижне-Владимирской слышны орудіейные выстрѣлы. А что значатъ слова Р.: «Господа, это передышка, воспользуйтесь ею, уѣзжайте въ портовый городъ». Онъ имѣетъ связи и потому можетъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія. Самъ онъ ѣдетъ въ Ростовъ. Большевики вѣдь не сложили оружіе. Тотъ же Р. видѣлъ двухъ коммунистовъ въ Купеческомъ. Они были превосходно одѣты, ѣли мороженое и ухаживали за дамами. Вѣроятно, они по своимъ талантамъ пропагандистовъ равны тому своему товарищу, который недавно увѣрялъ Р., что «за три недѣли любую дивизию распропагандируетъ».

Кіевляне пока, съ помощью контръ-развѣдки, сводятъ счеты. Служащіе этого учрежденія шантажируютъ людей (и не только евреевъ, а даже христіанъ), которыхъ они обвиняютъ въ коммунизмѣ, требуя денегъ подъ угрозой ареста и разстрѣла.

15-го сентября. Только теперь видно, какъ большевики все разрушили. Цвѣтущая Украина, богатый Кіевъ — нищія. Въ магазинахъ ничего нѣтъ. Хлѣбъ, правда, значительно подешевѣлъ, но матеріи и др. вещи еще очень дороги и ихъ попросту нѣтъ. Комиссіонные магазины попрежнему великолѣпно работаютъ. А ровно годъ тому назадъ въ Кіевѣ было все, чего душа желала.

Кто можетъ, тотъ уѣзжаетъ въ Одессу, въ Ростовъ; организуются польскіе, чешскіе и т. под. поѣзда. Всѣ какъ-будто чувствуютъ, что въ Россіи нельзя оставаться.

20-го сентября. Читать гнусныя, глупыя статьи Шульгина и отчеты о звѣрствахъ добровольцевъ въ Фастовѣ — это хорошій отдыхъ для нервовъ послѣ большевиковъ.

Авторы отчетовъ о погромахъ считаютъ, что на Украинѣ погибло не менѣе 100 тысячъ евреевъ. Даже, если бы евреи были отцами большевизма и чрезвычайекъ, то такая месть больше, чѣмъ «око за око», «зубъ за зубъ». Сколько бы ни погибло русскихъ, но ихъ 100 милліоновъ, а евреевъ въ предѣлахъ теперешней Россіи не больше 4-хъ.

Всѣхъ евреевъ-офицеровъ (Керенскаго производства) не принимаютъ въ армію, а заставляютъ подавать въ отставку. Я знаю многихъ, которымъ такъ отказали, вѣроятно, чтобы потомъ, съ цифрами въ рукахъ, доказать, какъ много было евреевъ коммунистовъ, какъ мало — добровольцевъ. Жена Шульгина пишетъ подъ псевдонимомъ Vepdetta. Это слово — символъ добровольческаго движенія. Они пришли мстить, не возстановливать погранныя большевиками человѣческія права, а только мстить. Ихъ возмущаетъ не терроръ самъ по себѣ, не ограниченія въ правахъ лучшей части населенія — буржуазіи, а то, что это направлено противъ нихъ — русскихъ дворянъ и чиновниковъ. Когда погромы устраивались только евреямъ, когда были облавы только на евреевъ, когда русскій дворникъ имѣлъ больше правъ, чѣмъ еврей съ университетскимъ образованіемъ, тогда все было въ порядкѣ, но, когда еврейскій хамъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ тѣхъ обидахъ, которыя наносилъ русскій хамъ своимъ бывшимъ господамъ, тогда послѣдніе рѣшили мстить всѣмъ евреямъ.

Я уже не разъ себя спрашивала, не примирились бы русскіе съ большевизмомъ, если бы нѣсколько сотъ комиссаровъ-евреевъ исчезли? Ихъ возмущаетъ одна мысль о томъ, что большевики не преслѣдуютъ спеціально евреевъ, какъ дѣлали до сихъ поръ другія правительства

Они такъ же нелѣпы въ своемъ желаніи все вернуть вспять, какъ большевики, желавшіе все старое разрушить. Единственное осмысленное распоряженіе послѣднихъ, о введеніи грегорианскаго календаря, — отмѣнено.

1-го октября. Послѣ двухдневнаго хожденія по Липкамъ, я отыскала часть нашей мебели. Поиски эти были довольно неприятны, но зато я хорошо ознакомилась съ совѣтскимъ домашнимъ хозяйствомъ.

Самая красивая и богатая часть города совершенно уничтожена. На одинъ ремонтъ надо будетъ потратить годы и миллионы. Нѣтъ ни одного, самага скромнаго домика, котораго не постарались бы загрязнить, ограбить. Я ходила нѣсколько часовъ по всѣмъ улицамъ, по особнякамъ и большимъ домамъ, еврейскимъ и христіанскимъ. Вездѣ та же картина, даже въ школахъ: мебель, относившаяся къ данному дому, непременно вывезена въ другой, гдѣ ее нарочно поломали и загрязнили, обои оборваны, стекла выбиты, полы затоптаны и заплеваны. Въ нѣкоторыхъ квартирахъ, вернушіеся жильцы приводятъ все въ порядокъ, въ другихъ, люди равнодушно живутъ среди чужихъ обломковъ, вѣроятно, полагая, что не стоитъ возиться и беспокоиться еще неизвѣстно для кого:

Большинство домовъ ваято вновь подъ добровольческія учрежденія, но, при опознаваніи мебели, ковровъ владѣльцами, они сейчасъ же выдаются.

Сегодня я, продолжая поиски, зашла въ чека, въ домѣ генераль-губернатора. Это огромный двухэтажный домъ. Нижній этажъ былъ превращенъ въ тюрьму. Я пожалѣла, что зашла для такой неважной вещи, туда, гдѣ мучались сотни людей. Нижній этажъ совершенно не прибранъ. Тамъ и сямъ валяются клоки соломы, безногіе стулья и столы. Комнаты низкія и темныя, но въ нѣкоторыхъ были сдѣланы клѣтки для заключенныхъ, вѣроятно, чтобы ихъ не видѣли извнѣ. На стѣнахъ много надписей и датъ.

Верхній этажъ приводили въ порядокъ. Группа бабъ отдыхала около ведеръ и тряпокъ. Я уловила отрывокъ изъ разговора: онѣ возмущались чека и ругали палачей-жидовъ. Я должна была молча слушать это въ томъ домѣ, гдѣ сидѣли въ вонючихъ клѣткахъ мой отецъ и десятки знакомыхъ и, когда я пришла туда, чтобы найти хотя бы часть нашего имущества. За эти 2 дня я видѣла больше 50 домовъ. Строили ихъ долго: десятилѣтіями создавались эти красивыя улицы, вырастали тѣнистые сады. За семь мѣсяцевъ все безвозвратно исчезло. И роскошь, и уютъ, и даже гигиена (нѣтъ дома, гдѣ бы, послѣ самага короткаго пребыванія красноармейцевъ, канализація осталась бы въ порядкѣ).

5-го октября. Каждый день приноситъ извѣстія о погромѣ въ томъ или другомъ мѣстечкѣ, о безконечныхъ убійствахъ. Страдаютъ отъ добровольцевъ и христіане. М. рассказывала мамѣ, какъ ее съ семьей ограбили на какомъ-то хуторѣ. Когда М. стала уговаривать ихъ, доказывая, что онѣ профессоръ, они поняли это такъ, что онѣ членъ профессиональнаго союза, то-есть большевикъ и потому еще больше разошлись. Но теперь эти убійства и погромы никого не трогаютъ. Мы совершенно стали равнодушны къ чужой жизни; каждый хочетъ только спасти себя какой угодно цѣной. Кажется, въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ на совѣсти чужой жизни, въ лучшемъ случаѣ чужого имущества.

Правыхъ и виноватыхъ больше нѣтъ. То-есть всѣ виноваты. Нельзя войти въ магазинъ, сѣсть въ вагонъ трамвая, чтобы не нарваться на грубость — такъ всѣ одичали. Всякій видитъ въ другомъ врага. А выбраться отсюда почти невозможно. Приходится ѣхать съ солдатами, которые глумятся надъ евреями, грабятъ ихъ. Сомнительное утѣшеніе приноситъ то воспоминаніе, что евреи — красноармейцы такъ же грубы съ частными лицами, какъ ихъ коллеги — добровольцы.

14-го октября. Большевики снова въ Кіевѣ. Уже вчера положеніе было грозное. вѣчные выстрѣлы звучали ближе; на рынкахъ было мало продуктовъ. Ворвались они сегодня около часу дня. Съ утра улицы были запружены толпами бѣгущихъ. Но, что за смыслъ въ такомъ бѣгствѣ? куда бѣжать?

Неужели мы окончательно погибли. Постоянно раздаются орудійные выстрѣлы. Можетъ быть, все таки добровольцы вернутся?

15-го октября. Добровольцы вернулись, но городъ мертвъ. Только иногда слышно, какъ бьютъ витрины въ магазинахъ. Это солдаты грабятъ паштетныя и другіе магазины.

17-го октября. Нѣтъ хлѣба и идетъ погромъ. Евреи отданы на разграбленіе войскамъ, спасшимъ Кіевъ. Въ безконечныхъ очередяхъ, стоящихъ около булочныхъ, избиваютъ евреевъ, выталкиваютъ ихъ изъ очереди, распространяютъ бредни о томъ, что евреи обливаютъ отступающихъ добровольцевъ кислотой.

Э. стояла въ такой очереди на Жилианской или М.-Благовѣщенской. Вдругъ, къ сосѣднему дому подѣхали военные верхомъ. Они стали стучать въ двери; имъ не отворяли, тогда они стали стрѣлять, выламывать двери. Наконецъ, они ворвались въ домъ, изъ котораго понеслись крики и стоны. Толпа христіанъ ликовала, а Э. убѣжала безъ хлѣба, но она не могла молча выносить это зрѣлище.

25-го октября. Одинъ изъ моихъ родственниковъ бѣгалъ въ началѣ революціи смотрѣть на каждую демонстрацію, чтобы потомъ не сожалѣть о томъ, что онъ проспалъ великую русскую революцію. Теперь онъ припѣваючи живетъ за границей. Зато я могу сказать, что русскую революцію я изучила досконально. Чего я не видѣла, даже погромъ (не царскій) и какой еще! 500 убитыхъ. Сотни ограбленныхъ квартиръ. И радость, дикую радость христіанъ.

Къ намъ пришли 18-го октября, въ субботу. Но введеніе и заключеніе сдѣлала наша собственная прислуга.

Съ утра мама, И. и я, мы остались однѣ съ прислугой. Во время уборки горничная, очень тихая, смиренная дѣвушка, подошла къ мамѣ и сказала съ яростью: «А вашъ братъ, небось, жалѣетъ, что коммунистовъ разбили?» Мама оторопѣла и вмѣсто того, чтобы сейчасъ же рассчитать ее, только вышла изъ комнаты. Эта дѣвушка видѣла не разъ, какъ большевики насъ грабили, защищала даже насъ отъ нихъ, но пропаганда въ очередяхъ сдѣлала свое дѣло.

Немного позже позвонили и И. открыла двери. Въ квартиру ворвалось трое денкинцевъ — офицеръ и рядовые. Они потребовали папу. Если бы онъ былъ, то кончилось бы убійствомъ, какъ съ Либерманомъ. На шумъ ихъ голосовъ, я выбѣжала въ переднюю и услышала: «Гдѣ твой мужъ? Я долженъ убить его. Жиды зарѣзали мою мать, и я долженъ за это убить твоего мужа. Давай его!» Они не повѣрили нашимъ увѣреніямъ, что отца нѣтъ, и проникли въ остальные комнаты, все время угрожая револьверами. Я побѣжала къ сосѣдямъ за помощью; по дорогѣ я встрѣтила горничную, которая сказала мнѣ, что уже просила о помощи. Но никто не пришелъ: евреи боялись и попрятались, христіанъ я не хотѣла просить. Тѣмъ временемъ у насъ къ денкинцамъ присоединились обѣ прислуги. Онѣ кричали: «Убейте ихъ, онѣ прятали коммунистовъ, лили сѣрную кислоту на денкинцевъ!» Кухарка ударила И. Одинъ изъ денкинцевъ замахнулся бутылкой на мою мать. Все время въ квартирѣ ховяйничало двое, а третій сторожилъ парадную дверь, чтобы никто не пришелъ на помощь. Когда постучала сосѣдка — христіанка, онъ черезъ щель сказалъ ей: «Чего лѣзете? здѣсь съ жидами расправляются». Наконецъ, они удовлетворились 2-мя тысячами рублей, золотыми часами и еще нѣсколькими бездѣлушками, но, уходя, обѣщали явиться на слѣдующій день и приказали приготовить для нихъ кольцо съ «большимъ» брилліантомъ.

Мы боялись, что они сдержатъ слово и повторятъ посѣщеніе, поэтому Н. стала на углу, въ ожиданіи отца, чтобы предупредить его и направить къ знакомымъ. Дѣйствительно, этимъ не кончилось.

Мы рѣшили во что бы то ни стало избавиться отъ нашей прислуги, но онѣ не хотѣли уйти, продолжали кричать и грубить. Все таки мы ихъ выдворили изъ кухни и варили сами. Богъ знаетъ, что мы ѣли. Мама говоритъ, что по количеству съѣденнаго эта недѣля можетъ конкурировать только съ той, когда отецъ сидѣлъ въ чека.

Ночевать я пошла къ Б. У нихъ немного успокоилась и рано утромъ въ воскресенье пошла домой. Весь вечеръ мы у Б. читали Гете, и я какъ-то, на время, забыла о томъ, что творится кругомъ.

Когда я вышла на улицу не было еще восьми часовъ, но на каждомъ второмъ домѣ былъ наклеенъ № «Кіевлянина», со статьей, описывающей еврейскія гнусности и преда-

тельства, указывались адреса и фамилии, между прочим, одного врача, будто бы стрелявшего в добровольцев. Как потом оказалось, все было ложью.

Къ чему эта бессмысленная ложь христіанъ? Никто никогда не отрицалъ огромной роли евреевъ въ коммунизмѣ, но почему то ихъ обвиненія почти всегда лживы, а ужъ страдаютъ отъ нихъ *всегда* невинные.

Дома за ночь ничего не измѣнилось. Прислуга все еще жила у насъ. Мы отправились въ профессиональный союзъ, просить освободить насъ отъ вредныхъ сожигательницъ, такъ какъ обращеніе въ милицію не возымѣло значенія

Въ союзѣ сказали, что сначала должны разобрать дѣло и послали прислугѣ повѣстку.

Но онѣ, побывавъ въ союзѣ и убѣдившись, что дѣло не въ ихъ пользу, пошли во вторникъ въ контръ-развѣдку, гдѣ заявили, что отецъ пряталъ коммунистовъ и передъ приходомъ добровольцевъ сжегъ бумаги. (Бумаги то жегъ, но не отецъ, а Р. — знакомый Шульгина.)

Вмѣшательство контръ-развѣдки могло имѣть очень печальный результатъ, но облегчила наше положеніе болтливость обѣихъ женщинъ: онѣ хвастали своею ловкостью и умомъ передъ швейцаромъ, который предупредилъ насъ.

Мы начали снова бѣгать по знакомымъ со связями (точь въ точь, какъ въ маѣ, только тогда не было такого чувства униженія, не чувствовали себя такими паріями)

Въ среду (меня не было дома и я знаю объ этомъ только по рассказамъ) съ утра позвонили. Дверь открыла (на цѣпочку) мама. Звонилъ офицеръ изъ контръ-развѣдки. Онъ началъ сейчасъ же грубить. Когда увидѣлъ Н., закричалъ: «Подойдите, молодой человекъ, поближе, я вамъ пушу пулю въ лобъ! Если бы я зналъ, что здѣсь есть еврейскіе студенты, я бы одинъ не пришелъ!»

Узнавши, что отца нѣтъ дома, онъ хотѣлъ арестовать мать, но кто-то догадался пойти за председателемъ дом. комитета и тотъ вступился за насъ. Оставшись наединѣ съ мамой офицеръ назвалъ ее «еврейской фурией».

Послѣ его ухода, по совѣту д-ра Б. мы рѣшили пойти простымъ путемъ. Родители пошли въ контръ-развѣдку и тамъ говорили съ самимъ начальникомъ.

Оказалось, что приходившій офицеръ превысилъ полномочія: ему было приказано навести справки, а онъ самъ написалъ ордеръ на арестъ. Когда же мама сказала, что она знаетъ, что все дѣло затѣяли по доносу прислуги, начальникъ контръ-развѣдки смутился и обѣщалъ окончательно оставить папу въ покоѣ.

На прислугу такой результатъ доноса и приговоръ професс. суда о томъ, чтобы онѣ насъ покинули, подѣйствовало. Въ четвергъ мы отъ нихъ освободились. Правда, по Соломонову суду професс. союза, мы должны были тѣмъ служащимъ, которыя хотѣли насъ ограбить и убить, заплатить около 3-хъ тысячъ, для того, чтобы отъ нихъ освободиться. Есть еще и третій актъ.

Разставаясь съ папой, начальникъ контръ-развѣдки сказалъ отцу, что, для окончательной ликвидаціи дѣла, онъ можетъ доставить нѣсколько поручительствъ знакомыхъ.

Конечно, это была мелочь, но отцу пришло на мысль сослаться на офицера-поляка Г. Тотъ пригласилъ для этого своихъ двухъ друзей изъ контръ-развѣдки и они потребовали за свои подписи 20 тысячъ «на добровольческую армию». Ясно было, что это шантажъ, но отступать было неудобно. Поторговавшись, сошлись на 5 тысячахъ.

Надѣюсь, что этимъ кончилось и, что отецъ, подъ вліяніемъ такихъ переживаній, согласится выѣхать. Вчера Б. говорилъ мнѣ, что былъ составленъ списокъ богатыхъ евреевъ, которыхъ хотѣли обвинить въ коммунизмъ и шантажировать. Онъ предлагалъ мнѣ въ нашемъ дѣлѣ услуги офицера изъ приличной дворянской семьи, мужа оперной артистки, который бы все уладилъ за нѣсколько тысячъ.

28-го октября. Тѣло Л. лежало 24 ч. на углу Терещенковской и Бибиковского бульвара. Онъ жилъ у чужихъ людей и, когда къ нему ворвались погромщики, то они, вѣроятно, не рѣшились рисковать собой и дали его увести. Передъ тѣмъ онъ сидѣлъ 6 недѣль въ чека, его домъ разграбили, его нѣсколько разъ шантажировали, а теперь добровольцы вознаградили потерпѣвшаго буржуя.

Убили и *Θ.* при нападеніи на домъ раввина. Тѣло его до сихъ поръ не найдено. «Вечерніе Огни» игривымъ тономъ сообщаютъ, что на Андреевской улицѣ нерѣдко видны собаки, грызущія головы, покрытыя черными волосами, то-есть еврейскія.

Даже крещенье не спасало. Убили молодого Кранца, котораго родители крестили еще въ дѣтствѣ.

А Шульгинъ написалъ статью «Пытка страхомъ», въ которой онъ откровенно выражаетъ свою радость, за «урокъ», который даютъ евреямъ. Урокъ чего? Того, что русскій народъ подлѣ, что доказываютъ его пожди и справа, и слѣва?

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ квартирахъ, откуда вынесли рѣшительно все, грабители французили. Значитъ это были офицеры изъ «хорошей» сферы. Въ иныхъ случаяхъ къ дому подъѣзжалъ цѣлый отрядъ съ площадками (такъ было у дома Гинабурга на Институтской), и со спискомъ жильцовъ-евреевъ въ рукахъ, ходили изъ квартиры въ квартиру. Иногда жертвъ спасали квартиранты-офицеры. Д-ръ Г. рассказывалъ, что онъ узналъ въ одномъ изъ грабителей своего сослуживца по японской войнѣ. Онъ окликнулъ его, назвалъ себя. Тотъ, сейчасъ же, заявилъ своимъ товарищамъ, что квартира доктора неприкосновенна.

П. ограбили до чиста. Мы должны были одолжить имъ одѣяло. Къ ихъ дому тоже подъѣхали съ возами и вывезли, что могли, а, такъ какъ передъ тѣмъ въ потолокъ столовой попалъ снарядъ, то они не могутъ вернуться къ себѣ.

Изъ знакомыхъ болѣе всего пострадали *Ш.* У нихъ видно какіе-то враги въ домѣ, потому что и при большевикахъ, и теперь они пострадали болѣе другихъ.

При большевикахъ у нихъ постоянно реквизировали комнаты комиссары, которые по ночамъ устраивали у нихъ настоящія оргіи, не обращая вниманія на то, что въ сосѣдней комнатѣ умиралъ *Н.* Послѣ прихода денкинцевъ, *С.*, по доносу пріятеля, съ которымъ онъ поссорился, арестовали и при этомъ избили. *Ш.* стоило не мало денегъ освобожденіе сына. Теперь же, на второй или третій день погрома, къ нимъ ворвалась цѣлая банда. Младшаго сына поставили къ стѣнкѣ; онъ откупился сапогами. Громили вынесли все, что могли, даже вещи экономки и жилицы. Они возвращались нѣсколько разъ и имѣли столько времени, что выкололи глаза всѣмъ портретамъ. Предсѣдатель домового комитета — крещеный еврей — отказалъ въ помощи. Когда погромщики ушли въ первый разъ, спохватились, что самъ *Ш.* исчезъ. Нашли его только черезъ 24 ч. Оказалось, что онъ прыгнулъ со второго этажа, съ балкона. Не понимаю, какъ онъ не убитъ на мѣстѣ. Въ іюнѣ 1918 г. одинъ изъ сыновей *Ш.* погибъ въ отрядѣ полк. Дроздовскаго въ бою съ большевиками.

1-го ноябр. Формируются польскіе поѣзда. Масса уроженцевъ Польши, Бѣлоруссіи, Литвы пользуется ими. Мы не успѣемъ, но обѣщаютъ другой поѣздъ.

Ш. не единственный, прыгавшій съ балкона. Такіе же ужасы творились въ домѣ Демченка, на Ольгинской; тамъ люди со страху порывались выброситься изъ оконъ. Грабилъ домъ отдѣлъ осетинъ. Добровольцы пользуются этими полудикими кавказцами для сверженія большевиковъ, такъ же, какъ большевики пользуются китайцами. Осетинъ такъ же интересуется борьба съ коммунизмомъ, какъ китайцевъ — борьба съ капиталистическимъ строемъ, но за этотъ годъ имъ разъяснили, что евреевъ можно грабить и убивать безнаказанно. Они совершенно не знаютъ кто такіе евреи. Одного старика съ пейсами (*Г.*) они спросили, еврей ли онъ? *Г.* отвѣтилъ отрицательно и они его оставили въ покоѣ. Въ домѣ Демченка, они, по ошибкѣ, врывались и къ христіанамъ.

Для того, чтобы распознать евреевъ, они заставляютъ прохожихъ произносить букву «р». *Б.* говорилъ мнѣ, что мелькающія въ сводкахъ сообщенія о томъ, что еврейское населеніе стрѣляетъ въ добровольцевъ, что еврейскіе коммунисты особенно отчаянно борются, — результатъ опредѣленной политики. Командованіе знаетъ, что большая часть солдатъ сочувствуетъ большевизму и потому послѣдній представляютъ, какъ произведеніе евреевъ, надѣясь, что такимъ путемъ солдатъ доведутъ до Москвы. А потомъ надѣются удержать власть, даже если армія распадется. Брату *Б.* очень тяжело. Онъ еще при большевикахъ бѣжалъ изъ Кіева, записался въ добровольческую армію, а теперь долженъ слышать и видѣть все это юдофобство.

Холода наступили въ этомъ году рано, а большевистское хозяйничанье даетъ себя чувствовать. За лѣто совнархозъ не запасся дровами и теперь дровъ мало; пудъ стоитъ 70 рублей (угля, конечно, нѣтъ и въ поминѣ).

Въ большинствѣ домовъ центральное отопленіе не будетъ дѣйствовать, потому что при минимальной топкѣ оно будетъ стоить не менѣе 20—30 тысячъ отъ квартиры, а теперь мало кто располагаетъ деньгами. Рѣшили поставить желѣзныя печи и пустить трубы въ вентиляторы. Въ квартирахъ уже такъ холодно, что у меня болятъ руки и ноги.

3-го ноября. Во время погрома добровольцы напали на еврейскую больницу, убили нѣсколькихъ больныхъ и ограбили то небольшое имущество, что оставалось, а оставалось очень мало, такъ какъ всѣ кievскія больницы въ страшномъ состояніи. Среди убитыхъ были раненые, спасшіеся отъ фастовскаго погрома. Кажется, нападеніе на больницу неслыханная вещь въ исторіи погромовъ. Сегодня видѣла впервые С. Б. Она еще очень плохо выглядить. Она пролежала больше 2-хъ недѣль. На третій или четвертый день погрома, она проходила вечеромъ мимо Золотоворскаго сада. Навстрѣчу ей шелъ офицеръ. Ее поразили влобный взглядъ, брошенный имъ на нее, и, поровнявшись съ нимъ, она прибавила шагу. Вдругъ, она почувствовала страшный ударъ въ затылокъ. Она очнулась уже въ саду. Кто-то сжалился надъ ней и поднялъ ее съ тротуара. Деньги были при ней, слѣдовательно, офицеромъ руководила только ненависть; онъ узналъ въ ней еврейку и ударилъ ее по злобѣ.

До чего дошелъ этотъ человѣкъ, чтобы ударить беззащитную женщину? Вся Россія — это клѣтка, а населеніе ея — дикіе звѣри.

Я могу себя представить, какъ подѣйствовали погромы и волна дикой ненависти на массу еврейскихъ ремесленниковъ и мелкаго мѣщанства, которымъ большевизмъ не вредилъ. Эти люди, если они до сихъ поръ были равнодушны, станутъ теперь большевиками.

Съ какой стати за грѣхи русскихъ правительствъ и русскаго народа отвѣчаютъ еврею? Я вижу, какъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, со времени изгнаній и преслѣдованій въ Польшѣ, еврей все болѣе и болѣе деморализируются. Если раньше морально еврей стояли выше окружающихъ ихъ народностей, то теперь они такъ же низко пали. Исчезла даже старая національная связь: еврей — коммунистъ также грабитъ своихъ собратьевъ некоммунистовъ, какъ и христіане.

Западная Европа кажется мнѣ далекимъ, недостижимымъ раемъ. Тамъ есть наука, искусство, тамъ человѣкъ не видитъ въ сосѣдѣ врага, тамъ не дрожишь за жизнь близкихъ. Вѣдь уже почти годъ, какъ насъ травятъ безпрерывно.

10-го ноября. Добровольцы продолжаютъ отступать. Неужели большевики придутъ въ Кіевъ? Тогда нельзя будетъ даже бѣжать. По временамъ (по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю) въ городѣ подымается дикая паника. Я живу одной мыслью о выѣздѣ. Все равно мы всѣ и здѣсь раззорены. Лучше заметать улицы въ буржуазной странѣ, чѣмъ жить на развалинахъ бывшихъ богатствъ въ этой странѣ смерти. Мы продолжаемъ жить продажей нашего имущества. Покупаютъ крестьяне, офицеры и ихъ дамы, койкакіе спекулянты. Цѣны ниже, чѣмъ при большевикахъ, но зато и жизнь дешевле.

Уже 2 года большевики у власти. Видно, они не скоро падутъ и, можетъ быть, было бы лучше, чтобы прекратилась гражданская война, которая только увеличиваетъ развореніе и озвѣрѣніе. Большевики держатся, главнымъ образомъ, арміей. Когда всѣ красноармейцы, которымъ позволяютъ, даже предписываютъ грабить, будутъ отпущены по домамъ и должны будутъ работать, а плоды ихъ трудовъ будутъ национализированы, тогда, можетъ быть, наступитъ конецъ большевизму.

Но ожидать этого невозможно, тѣмъ болѣе, что физическія условія жизни невыносимы: водопроводъ у насъ дѣйствуетъ лишь изрѣдка, такъ что мы должны таскать воду ведрами изъ ближайшихъ колодцевъ; дрова стоятъ 100 рублей пудъ, ихъ пилятъ студенты (они же разносятъ газеты по домамъ), а такъ какъ желѣзныя печи очень малы, то во всѣхъ семьяхъ мужчины заняты рубкой дровъ на мелкіе куски. Почти никто не держитъ прислуги, а варка теперь пытка. Такъ какъ плиты поглощаютъ

слишкомъ много топлива, то варятъ на маленькихъ желѣзныхъ плиткахъ, на которыхъ помѣщаются самое большее 2 кастрюли; поэтому варка длится вдвое дольше.

Для поддержанія тепла въ нѣкоторыхъ семьяхъ варятъ въ столовой. Тогда запущенная квартира становится еще грязнѣе.

14-го ноября. Большевики все ближе. Махно ховяйничаетъ въ Екатеринославѣ, на Кубани тренія, у насъ на Украинѣ гуляютъ банды. Проснулся воинственный духъ въ потомкахъ гайдамаковъ. Рассказываютъ о нападеніяхъ на поѣзда. Очевидно, крестьяне не признаютъ никакого правительства. Тѣ же банды, что буйствовали при большевикахъ теперь идутъ на добровольцевъ.

Про Махно — анархиста-индивидуалиста — рассказываютъ, что онъ бывший народный учитель.

Мы, наконецъ, дѣлаемъ попытки уѣхать. Я возненавидѣла этотъ прекрасный Кіевъ. Какой это былъ еще недавно красивый городъ, а теперь — развалины. По нѣкоторымъ улицамъ трудно ходить, въ такомъ видѣ тротуары. Я часто хожу по улицамъ и думаю съ тоской: если бы я васъ видѣла въ послѣдній разъ. Чего здѣсь можно ожидать? Большевиковъ и погромовъ. Погромовъ и большевиковъ.

20-го ноября. Въ моей комнатѣ 7° тепла. Мы спимъ вчетверомъ въ кабинетѣ. Такъ теплѣй. Желѣзныя печи дымятъ и чадятъ. Плитка въ кухнѣ дымитъ и нельзя найти ни печника, ни трубочиста. Я уже нѣсколько разъ видѣла, какъ прохожіе задерживали очень грязныхъ людей, спрашивая ихъ не трубочисты ли они, и съ грустью выслушивали отрицательные отвѣты. Неужели всѣ трубочисты стали комиссарами? Имъ эта переимѣна занятій только выгодна, но у насъ въ кухнѣ слезятся глаза, мы кашляемъ.

Отъ вѣчной копоти въ квартирѣ грязно, а убирать трудно, такъ какъ руки отъ холода пухнуть, невыносимо болятъ и синѣютъ. Я сажусь на нихъ и такимъ способомъ только могу ихъ отогрѣть.

Послѣ уборки иду продавать старыя вещи въ аукціонный залъ. Милое занятіе старьевщицы! Я мечтала о другого рода дѣятельности, но, такъ уже идутъ пути исторіи, что возвращается каждый къ національному занятію: русскіе бѣгутъ въ деревню, къ землѣ, евреи вновь дѣлаются старьевщиками.

Первый разъ мнѣ было стыдно пойти туда, но, когда я увидѣла, что среди темныхъ личностей, сидятъ приличные люди, старушки, барышни, то успокоилась.

Когда ожиданіе продолжается очень долго, завязывается знакомство и я слышу всегда одно и то же: «Мы продаемъ все и уѣзжаемъ». Куда? одни на родину, другіе бѣгутъ съ добровольцами, третьи ѣдутъ въ деревню, гдѣ легче прокормиться, но всѣ покидаютъ этотъ страшный Кіевъ.

27-го ноября. На-дняхъ снова была паника, но, къ счастью, безпричинная. Одно ясно: если не будетъ чуда, то большевики будутъ здѣсь. Всѣ это знаютъ. Добровольческая армія превратилась въ банды. Конечно, большевистскія войска не лучше. Они не могли измѣниться въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Дѣло въ томъ, что народная масса на сторонѣ большевиковъ. Добровольцы дѣлаютъ еще ту ошибку, что принимаютъ въ свои ряды плѣнныхъ, которые нерѣдко сдаются въ плѣнъ со спеціальной цѣлью разложить армію врага.

Есть же и такіе любители наживы и сильныхъ ощущеній, которые перебивали во всѣхъ арміяхъ и во всѣхъ бандахъ. Отношеніе къ евреямъ все то же. Въ теченіе послѣднихъ недѣль рядъ лицъ убито въ поѣздахъ. К. рассказывала, что 14-го октября она, спасаясь отъ большевиковъ, побѣжала со своими на вокзалъ. Трое сутокъ они сидѣли въ вагонѣ, къ которому то и дѣло подходили военные и спрашивали, нѣтъ ли тутъ евреевъ? Нѣсколько разъ ихъ попутчики-христіане отвѣчали отрицательно, наконецъ, опасаясь за себя, они заставили ихъ высадиться.

На-дняхъ мы съ Б. обходили Институтскую, собирая пожертвованія для разгромленныхъ. И на этой улицѣ почти всѣ еврейскія квартиры (о магазинахъ нечего и говорить) пострадали въ октябрѣ. Сосѣдка нотаріуса Цытовича рассказывала, что онъ, несмотря на ея мольбы, не пустилъ къ себѣ ея дѣтей, когда грабили ея квартиру. Ее огра-

били офицеры и нѣсколько дней спустя, ея мужъ встрѣтилъ одного изъ грабителей, гуляющаго по Крещатику.

Въ другомъ случаѣ сосѣди-христіане привели чернымъ ходомъ погромщиковъ, которые не могли проникнуть параднымъ.

Въ каждой изъ такихъ разгромленныхъ квартиръ ютятся, кромѣ хозяевъ, родственники — бѣженцы изъ разгромленныхъ мѣстечекъ.

Въ одномъ и томъ же домѣ живутъ двѣ семьи — еврейская и русская. У русскихъ убили отца въ чека, у евреевъ — сына въ поѣздѣ. Но ненависть уже такъ велика, что, перенесшіе одно и то же горе, люди другъ другу не сочувствуютъ, а влорадствуютъ.

У одного домовладѣльца, на той же Институтской, большевики сдѣлали 16 обысковъ. И каждый разъ они уходили не съ пустыми руками.

30-го ноября. Появился новый герой — Шиллингъ. Кіевляне молятся за него и на него. Говорятъ, что его армія состоитъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые сумѣютъ справиться съ большевиками. Если онъ не прорвется — мы погибли. Большевики спокойно и увѣренно идутъ на Кіевъ. Но, надѣюсь, когда они войдутъ, мы будемъ далеко. Организуется новый польскій поѣздъ. Вчера я дежурила съ Ц. на парадномъ ходѣ и онъ развлекалъ меня анекдотами изъ современной жизни: Шла по Круглой Университетской компанія молодежи. Ихъ остановили солдаты, просмотрѣли документы, и одного гимназиста отвели въ сторону, заявивъ, что онъ арестованъ. Такъ какъ всю ночь онъ не возвращался, то утромъ его пошли искать, и нашли тѣло недалеко отъ того мѣста, гдѣ ихъ задержали. Сестра пошла съ жалобой къ Бредову. Сначала онъ отнесся съ участіемъ, но, когда прочелъ въ прошеніи еврейскую фамилію, бросилъ его и отошелъ.

20-го декабря. Уже 5 дней, какъ большевики снова въ Кіевѣ. Мы не успѣли уѣхать. Въ послѣднюю минуту предпріятіе съ поѣздомъ разстроилось.

Теперь мы навсегда отрѣзаны отъ свѣта Божія. Надо собраться съ силами и ждать паденія большевизма. А если этого никогда не будетъ? Бывало же такъ, что огромныя, довольно культурныя государства погибали, чтобы никогда больше не возродиться. Первые годы революціи Россія казалась мнѣ огромнымъ тѣломъ, сотрясаемымъ судорогами, теперь мнѣ кажется, что это темная, жутко-спокойная могила.

Агонія Кіева длилась 5 дней. Уже съ первыхъ дней декабря населеніемъ овладѣла безумная паника, никто не вѣрилъ бойкимъ приказамъ и воззваніямъ генераловъ. Артиллерійская стрѣльба со стороны Ирпеня не прекращалась, но въ четвергъ 11-го, около часу дня раздались выстрѣлы изъ ва Днѣпра. Сначала кто-то распространилъ слухъ, что это только ломаютъ ледъ бомбами, но пять минутъ спустя весь городъ зналъ, что большевики на Слободкѣ. Еще черезъ пять минутъ люди съ котомками и саквояжами неслись къ вокзалу. Немногіе офицеры бѣжали къ Днѣпру; всѣ, кто могъ двигаться, удирали отъ врага. Такъ продолжалось до вторника. Городъ не обстрѣливали, но мы слышали трескотню пулеметовъ и пальбу бронепоездовъ «Доблесть Витязя» и «Красный Боець». Газеты выходили до послѣдняго дня.

Бѣженцы сидѣли до вторника на вокзалѣ въ вагонахъ безъ локомотивовъ или безъ машинистовъ. Наконецъ, какой-то машинистъ сжалился надъ послѣднимъ поѣздомъ и повезъ его. Люди ѣхали на тормозахъ, на площадкахъ

Уѣхали почти всѣ знакомые. Остались или тѣ, которые имѣютъ маленькихъ дѣтей, старыхъ родителей, или тѣ, которые примирились съ большевизмомъ, какъ примиряются со смертью: отъ нея вѣдь не убѣжишь.

Я знаю только одно: попытка контръ-революціи была неудачна, паденіе Кіева и Харьковъ (въ одинъ день), паническое бѣгство денкинцевъ показываютъ, что на нихъ надѣяться нельзя. Старое погибло безвозвратно. Пришло новое — теперь коммунизмъ, потому та сила, которая, возможно, когда-нибудь его свергнетъ. Но людямъ со старымъ міросозерцаніемъ (будь они даже молоды годами) въ этомъ новомъ нѣтъ мѣста.

25-го декабря. Какъ долго можно такъ жить? Встаемъ мы очень поздно, чтобы не такъ долго дрожать отъ холода. Потомъ женщины убираютъ квартиру (неимовѣрно грязную отъ копоти), мужчины рубятъ дрова, топятъ печи. Потомъ идемъ на рынокъ, въ существующія еще лавки. На рынкѣ возобновилась съ новой силой мѣновая тор-

говля. Но крестьяне становятся все капризнее: всего охотнее они берут материю, серебряные и золотые вещи. Дороговизна сразу стала огромная и мы все больше испытываем чувство голода. Даже нельзя это назвать определенно голодом, потому что многие еще имеют достаточно пищи, но чувствуется недостаток в жирах.

Подъ вечеръ приходятъ старьевщицы. Комиссионные магазины закрыты (въ нихъ теперь продаютъ провизию) и продавать вещи приходится частнымъ способомъ. Этимъ дѣломъ занялись многія обѣднѣвшія женщины изъ мелкой буржуазіи.

Вечеромъ, такъ какъ выходить въ темнотѣ боятся, жильцы того же дома ходятъ другъ къ другу въ гости. Такъ же ходили другъ къ другу въ 18-омъ г., когда Муравьевъ обстрѣливалъ и взялъ Кіевъ, но тогда не было еще этого чувства обреченности и безсильной влобы.

На-дняхъ споръ съ Ж. А. По ней можно видѣть, какъ молодежь обольшевилась. Она даже вѣрится въ большевиковъ, уже думаетъ, «что они, вѣроятно, что-нибудь сдѣлаютъ». А, когда я ее спросила, что сдѣлали до сихъ поръ большевики и, вообще, социалисты, по сравненію съ созданнымъ буржуазіей, то-есть ея же предками, она мнѣ отвѣтила, что и предки были честными людьми, но не буржуями.

30-го декабря. Встрѣтила Л. П. Ея семья бѣжала. Отецъ и мать къ украинцамъ, мужъ и братъ съ денкинцами. Она осталась одна съ двухмѣсячнымъ ребенкомъ. За двѣ недѣли своего пребыванія въ Кіевѣ большевики успѣли сдѣлать у ея дяди нѣсколько обысковъ, арестовать его съ женой; у ея свекрови реквизировали муку, по доносу жильцовъ, такъ какъ она — это несчастное существо — домовладѣлица. Сама Л. живетъ то здѣсь, то тамъ, опасаясь вернуться въ домъ родителей.

Н. П. бѣжала съ денкинцами, оставивъ больную сыпнымъ тифомъ мать.

1920 г.

1-го января. Какой страшный Новый Годъ! Праздновали его, вѣроятно, одни комиссары. Въ прошломъ году собрались у насъ еще знакомые, а теперь никто никого не приглашалъ; да и кому хочется поздравлять съ Новымъ Годомъ? Чего можно желать? Чтобы не забрали послѣдняго и не убили.

5-го января. Каторга лучше этой жизни. На меня находить такое отчаяніе, что я громко плачу у себя въ комнатѣ и бьюсь головой о стѣнку.

Что мнѣ дѣлать? Снова пойти къ нимъ на службу? Я бы могла имѣть протекцію по наркомпросу, но, какъ туда пойти? Еще лѣтомъ носились съ планомъ удаленія старыхъ учителей, некоммунистовъ. Значитъ, новые должны быть коммунистами или, по меньшей мѣрѣ, сочувствующими.

По ночамъ я все припоминаю, какъ долго длилась французская и англійская революціи, и сравниваю ходъ развитія русской революціи съ ними. А если у насъ и конца не будетъ?

Кіевъ снова пострадалъ. Со времени возвращенія большевиковъ сгорѣло нѣсколько домовъ, между прочимъ, домъ на углу Крещатика и Фундуклеевской, гдѣ Брабець. Онъ горѣлъ три дня, сгорѣлъ до тла и еще долго дымился. Остались отъ него лишь каменные стѣны. Вещи жильцовъ лежатъ въ грязи и снѣгу на улицѣ.

Людей видно совсѣмъ мало.

7-го января. Чѣмъ мы будемъ жить? Какъ долго можно продавать бѣлье, посуду, картины? Да успѣемъ ли мы ихъ продать? Не сегодня, завтра прійдутъ забрать.

Передъ биржей труда снова безконечныя очереди. А я, по собственному опыту прошлаго лѣта, отлично знаю, что и это ложь. Прямо черезъ биржу очень трудно получить мѣсто. Только заручившись мѣстомъ, надо пойти записаться съ какой-нибудь особой примѣтой, напр. знаніемъ опредѣленнаго языка. Тогда на слѣдующій день тебя требуютъ внѣ очереди.

10-го января. Люди бѣгутъ массами. Кто только имѣетъ какую-нибудь связь съ бывшими окраинами Россіи, бѣжитъ съ этого кладбища. Говорятъ, что не такъ трудно переѣхать черезъ границу.

Мы всѣ живемъ одной надеждой, что весной тутъ будутъ поляки. Еврейская буржуазія должна у поляковъ искать защиты отъ еврейскихъ коммунистовъ.

20-го января. Есть надежда ѣхать. Насъ устраиваетъ въ своемъ вагонѣ комиссаръ — знакомый Н.

На-дняхъ разстрѣляли 10 человекъ за «спекуляцію» валютой. 9 евреевъ и 1 русскаго. На огромныхъ плакатахъ развѣшанныхъ по Крещатику, были написаны ихъ имена, и толпа, читая ихъ, радостно гоготала: «Наконецъ-то, и до своихъ добрались, жужжали христіане. Теперь громко евреевъ не оскорбляютъ, въ лавкахъ не отказываютъ продавать имъ, но любимое ругательство попрежнему: «жидовская морда»; оно употребляется и по адресу русскихъ, имѣетъ, вѣроятно, тотъ же оттѣнокъ, что с . . . с . . . , то-есть сравненіе съ какимъ нибудь мерзкимъ существомъ.

За что мы такъ страдаемъ? Русскимъ было и будетъ хорошо, а евреямъ было, есть и будетъ плохо. Малѣйшая контръ-революція, реставрація вернетъ хоть часть имущественныхъ потерь русскимъ, ихъ прежнее положеніе въ обществѣ, а евреямъ ничего не вернуть, не будетъ протекцій при дворѣ, у министровъ.

А деникинцы катятся все дальше и дальше. Уже Таганрогъ въ рукахъ большевиковъ. «Ихъ банды бьютъ наши банды», какъ говорилъ еще осенью одинъ деникинецъ.

17-го была у О. Н. Были только мы съ Л. Она насъ не ждала. Квартира выглядитъ, какъ у всѣхъ теперь: грязная, запущенная, хозяйка въ рваныхъ платьяхъ, на столѣ битая посуда, рваная скатерть. О. Н. жаловалась на бѣдность. Она — домовладѣлица и потому внѣ закона. Въ ея домѣ живетъ одинъ изъ многочисленныхъ, быстро смѣняющихся, комендантовъ города. Она должна его кормить, снабжать бѣльемъ, постелью. Разумѣется, все переходитъ въ его частную собственность; требованія сопровождаются бранью, угрозами.

О. Н. рассказывала, что ея сестра и племянницы устроили кооперативное хозяйство: онѣ сошлись съ жителями сосѣднихъ домовъ, наняли повара, взяли на себя завѣдываніе хозяйствомъ и кормятъ, такимъ образомъ, нѣсколько десятковъ семействъ. Можетъ быть, это рѣшеніе женскаго вопроса, уничтоженіе отдѣльнаго хозяйства? Можетъ быть, и изъ этого хаоса и ужаса что-нибудь вырастетъ? Развѣ можно надѣяться? Неужели я еще не научена горькимъ опытомъ, что здѣсь нѣтъ мѣста для надежды. Черезъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть, и дней прійдетъ «ячейка» и націонализируетъ это «частное предпріятіе». Будетъ вмѣсто него «совѣтская столовая» съ вонючей ѣдой и «сотрудниками», которые будутъ всѣхъ и все обкрадывать.

Кстати о словѣ «сотрудникъ», почему то приказчики, аііаз служащіе бібліотеки Идв. стыдятся употреблять два послѣднихъ термина. Они величаютъ другъ друга сотрудниками.

25-го января. Теперь мы должны ѣхать во что бы то ни стало. Дѣло идетъ о папиной жизни. Былъ уже изданъ обычный декретъ о томъ, что укрывающіе цѣнныя бумаги будутъ разстрѣляны, а наши послѣднія бумаги нашли при обыскѣ у знакомыхъ. Отецъ семьи бѣжалъ съ деникинцами; за это разгромили всю квартиру и забрали у двухъ оставшихся старухъ все, рѣшительно все, что онѣ имѣли. Забрали и наше.

Я хожу, какъ сумасшедшая. Въ каждомъ шорохѣ, въ каждомъ звонкѣ мнѣ чудится приходъ чекистовъ.

Р. 6-го февраля. Слава Богу! мы далеко отъ Кіева и, надѣюсь, черезъ недѣлю будемъ въ Польшѣ. Пока сидимъ въ комиссарскомъ вагонѣ, который мнѣ кажется раемъ въ сравненіи съ нашей кіевской квартирой: здѣсь всегда тепло, дровъ кругомъ сколько хочешь, а у насъ послѣдніе дни былъ 1^о, 2^о тепла.

Но какъ трудно было выбраться изъ этого ада! Я до сихъ поръ поражаюсь, какъ намъ повезло, что насъ нигдѣ не задержали — ни дома, ни на вокзалѣ.

Чтобы не доводить отца до полнаго отчаянія, мы ничего не сказали ему о пропажѣ бумагъ, но только убѣдили его не ночевать дома. Мѣра неумная, но, что было дѣлать?

3 дня комиссаръ насъ обманывалъ, все откладывая отъѣздъ. Послѣдніе 2 дня мы не имѣли на чемъ спать, изъ чего ѣсть.

Все цѣнное спрятали въ чуланъ, двери заклеили, приставили къ нимъ большой шкафъ, но у меня нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобы хоть что-нибудь сохранилось. Какъ только узнаютъ о нашемъ отъѣздѣ (можетъ быть, въ эту минуту), квартиру реквизируютъ и все погибнетъ, какъ и у другихъ.

Кто-нибудь уже постарается донести. З. замуровали свое серебро, знали точно мѣсто лишь одинъ управляющій, но кто-то, изъ мести, донесъ на него, какъ на укрывающаго буржуйское имущество. Пришли матросы изъ чека, грозили старику револьверами; онъ указалъ тайникъ.

Наконецъ, въ прошлое воскресенье мы вышли изъ дому. Вышли, какъ воры, ни съ кѣмъ не попрощавшись. Каждый пошелъ отдѣльно, чтобы не обращать вниманія. Уже полгода я мечтала объ этой минутѣ отъѣзда, а тогда мнѣ было безконечно жаль покидать родной домъ. Можетъ быть, я никогда его не увижу. Неужели я никогда больше не буду ходить по кievскимъ улицамъ и садамъ?

Мы долго сидѣли въ квартирѣ комиссара. И онъ, и его семья антипатичны. Не исполняютъ обѣщаннаго, ко всему относятся халатно. Чувствуется глухая вражда къ намъ. Кого они въ насъ ненавидятъ? буржуевъ? евреевъ? Комиссаръ — бѣлоруссъ; жена его поляка.

Вечеромъ мы пошли пѣшкомъ на вокзалъ. Послѣднее время я никогда не выходила въ сумерки и меня поразило вечерній видъ Кіева. Городъ казался совершенно вымершимъ. Такія улицы, какъ Фундуклеевская, Владимирская, кишѣвшія въ былые годы прохожими, были почти пустыни. Трамваи давно уже не ходятъ, рѣдко мелькаютъ извозчики. Чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ болѣе жутко. Вокзалъ темень и пустъ. Нѣсколько человекъ, съ мѣшками на спинѣ, мелькаютъ тамъ и сямъ. Если бы не боязнь разныхъ особыхъ отдѣловъ, чека и проч., и проч., можно было бы свободно ходить по путямъ, на которыхъ нѣтъ никакого движенія. Съ большимъ трудомъ отыскали нашъ вагонъ. Мы ѣхали по-царски; такъ какъ комиссаръ перевозитъ семью со всей рухлядью на новое мѣсто службы, то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 2 вагона: одинъ товарный — для багажа, другой — 4-го кл. для насъ всѣхъ.

Въ этомъ то вагонѣ мы живемъ (15 чел.) уже недѣлю. Здѣсь спимъ (мужчины и женщины рядомъ), варимъ, моемся, играемъ въ карты. Кромѣ насъ и семьи комиссара, ѣдутъ 3 поляка (офицеръ съ женой и докторъ).

Стояли мы въ Кіевѣ на вокзалѣ 2 дня. То не было паровоза, то не хватало дровъ. Было очень опасно, такъ какъ каждую минуту могла ворваться желѣзнодорожная чека и подвергнуть обыску.

Отношеніе къ намъ продолжало быть враждебнымъ. Въ первый же вечеръ комиссаръ произнесъ длинную рѣчь на тему о порокахъ и недостаткахъ буржуазіи. Докторъ, не смотря на то, что жестоко пострадалъ отъ большевиковъ и навѣрное не симпатизировалъ имъ (его брали заложникомъ въ Москву), поддакивалъ комиссару. Семейныя отношенія послѣдняго оригинальны: у него 4 дѣтей (3 сына и дочь), но дѣвочка называетъ комиссара — отцомъ, а комиссаршу — теткой. Когда она замѣтила мое недоумѣніе, она покраснѣла и сказала: «Моя мама — сестра Казиміры Казиміровны (комиссарши); она теперь въ Сибири». Объ отцѣ она не упомянула.

(Въ началѣ войны у насъ была кухарка, которая обманывала мужа съ его роднымъ братомъ.)

Старшій сынъ комиссара тоже коммунистъ. Самъ комиссаръ (Л. С.) вступилъ въ партію еще въ 1917 г. и считается «старымъ» коммунистомъ въ противоположность новымъ такъ называемымъ «майскимъ». Кажется, послѣдняя кличка произошла оттого, что 1-го мая партія гостеприимно раскрываетъ для всѣхъ свои объѣты. Л. С. не влоитъ чело-вѣкъ; онъ часто оказываетъ услуги совершенно безвозмездно, напр. въ Кіевѣ номинально реквизируетъ квартиру вдовы одного извѣстнаго монархиста, для того, чтобы ее не выбросили оттуда.

По его же рассказам он спас жизнь некоторым военным в январь 1918 г. Мне кажется, что он скорый карьерист, чем искренний коммунист.

13-го февраля. Кажется, комиссар нас водит за нос. Целую неделю мы жили в вагоне, теперь вагон у него забрали, и мы должны были перебраться в отведенный ему домик.

Жизнь здесь ужасна. Нас шестеро, и мы ютимся в 2-х маленьких комнатах. Есть только одна поломанная кровать в нашем распоряжении. На ней спать двое. Остальные лежат на полу, на завшивленных комиссарских овчинах. Из широких щелей деревянного домика дует. Трубу нашей крошечной плитки надо чистить каждые два дня, иначе проход заполняется сажей и дым валит в комнату.

Условия жизни комиссара и остальных путешественников не лучшие. Каждый второй день ходим на рынок, в город. Приходится ходить полями 5 верст в 12° и 15° мороза. На рынке ничего нет. Мяса в свободной торговле нет; из под пол фунта стоит 300—350 рублей. Благо хлеба почти нет. Житный стоит 160 рублей фунт (дороже, чем в Киев), притом он часто бывает с песком, с соломой.

Поддерживает нас одна мысль о близости фронта (80 верст).

17-го февраля. Доктор уехал. Теперь очередь за нами. Томительно скучно! Комиссар, опасаясь за себя и за нас, умоляет ни с кем не знакомиться. Он, пожалуй, прав; хотя Р. — уездный город, но люди здесь так любопытны, как в местечках. В каждой лавочке, при каждом ларьке с любопытством спрашивают: кто вы? откуда вы? зачем вы сюда приехали? и т. д. и т. д. Каждое новое лицо сейчас же замечают.

Городок поражает своей бедностью. Кирпичных построек почти нет; деревянные дома бедные, грязные, покосившиеся. На улицах непролазная грязь, но местные жители уверяют, что это ничто в сравнении с весной, когда улицы — сплошные лужи. Кое-где есть тротуары из досок, кажется, положенные немцами.

Население почти исключительно еврейское; редко мелькает польская физиономия. По-русски и евреи, и крестьяне говорят плохо, уснащая речь полонизмами.

25-го февраля. Мы все еще на том же месте. К тому же К. К. больна; возможно, что она заразилась сыпным тифом. Только этого нам не хватает. Денег нам тоже, кажется, не хватит, если засидимся, и не знаю, можно ли здесь продавать вещи. По всей вероятности можно; чтобы делали иначе местная буржуазия и помещики? Но, может быть, им нечего продавать; все было сразу забрано.

По вечерам, вернувшись со службы, комиссар развлекает нас анекдотами из местной партийной и обывательской жизни. Мы слушаем его в темноте, так как жаль свеч, а другого освещения нет.

Судя по его рассказам, да и по тому что мы видим, большевизм здесь разрушил и уничтожил все еще больше, чем на Украинь. Он здесь также плотнее утвердился.

Когда-то (года два тому назад) Р., как Днепровская пристань была богатым городком и успешно развивалась. Какой-то предприниматель носился с мыслью соединить город со станцией и с пристанью трамваем. Теперь все это пошло прахом. Главная торговля — лесом — уничтожена. Она перешла в руки комов, которые добились того, что самим р.-нам трудно купить дрова, хотя они окружены лесами. Мы живем под молодым лесом, в котором беспорядочно вырублены тонкие, молодые деревья. Наш комиссар рубит новые железнодорожные вагонетки, разбирает сараи, построенные еще немцами.

Тиф здесь страшно свирепствует, а лекарства нет. Самому комиссару с трудом удалось достать аспирин для жены. Смертность поэтому большая, а гробов тоже нет. Недавно на этой почве было такое происшествие: у красноармейца умерли в больнице жена и ребенок. Он почему-то повздорил из-за похорон с милиционером. Тот его смертельно ранил. Убитому и его семье устроили торжественные похороны; гробы были обиты красной материей. После похорон пришла милиция разрыла могилу и выбросила покойников из гробов, которые забрала.

Насколько я могла замѣтить, здѣсь царить страшная національная ненависть, даже между коммунистами.

Определенныя вѣдомства находятся всецѣло или въ христіанскихъ, или въ еврейскихъ рукахъ. Положимъ, то же явленіе можно было наблюдать и въ Кіевѣ.

Здѣсь въ желескомѣ (желѣзнодорожный лѣсной комитетъ) работаютъ только христіане. Всѣ они не спеціалисты по лѣсному дѣлу, а бывшіе сапожники, мастеровые, выколенные войной и революціей.

Малѣйшая попытка контръ-революціи (здѣсь была такая въ прошломъ году) принимаетъ сейчасъ же характеръ еврейскаго погрома, и потому еврейское мѣщанство, въ конецъ разоренное большевиками, принимаетъ ихъ все таки, какъ меньшее зло.

Таково отношеніе стариковъ. Молодежь, и христіанская, и еврейская, обольше-вистилась. Дѣвушки и молодые люди отъ 15 лѣтъ записываются въ партію. Они очень неинтеллигентны и, кажется, больше поддаются духу времени, чѣмъ разбираются въ соціальныхъ ученіяхъ.

1-го марта. У комиссарши сыпной тифъ. Въ этой грязи мы обречены на зараженіе. Грязь невыносимая. Это неудивительно, такъ какъ хозяйствомъ завѣдуетъ 13-лѣтняя дѣвочка. Она первая встаетъ, топить печи, приготовляетъ завтракъ, варитъ обѣдъ, стираетъ, носитъ воду. Женщины шьютъ, вымѣниваютъ вещи и для этого ѣздятъ иногда въ далекія деревни за 30, 40 верстъ.

Младшій сынъ комиссара ничего не дѣлаетъ цѣлыми днями, развѣ иврѣдка напилить дровъ.

Дѣятельность его отца немногимъ бѣльшая: онъ ѣдетъ утромъ на службу, въ 4 ч. возвращается и ложится на кровать, гдѣ принимаетъ визиты своихъ сослуживцевъ.

Вся семья комиссара держится женскимъ трудомъ. Онъ всю жизнь занимался спекуляціями, если имѣлъ вѣрную службу, то терялъ ее не столько изъ за нечестности, сколько изъ за халатности. И женины начинанія онъ всегда губилъ, хотя надо признать, что онъ, по-своему, ее любитъ.

4-го марта. Намъ страшно не везетъ. Человѣкъ, перевезшій доктора, поѣхалъ было за нами, но по дорогѣ заболѣлъ тифомъ и умеръ. Намъ всегда что-нибудь должно помѣшать. Точно кто-то не хочетъ, чтобы мы освободились. Неужели не удастся покинуть эту проклятую Богомъ страну? Я ее ненавижу. Я не могу даже читать русскія книги. Вездѣ, въ самыхъ бездарныхъ разсказахъ, видны это умничанье, недовольство, пустая болтовня, такъ напоминающія нашего комиссара. А рядомъ прелестные переводныя повѣсти, полныя жизни, энергіи.

6-го марта. Послѣ завтра двинемся.

7-го марта. Вѣроятно, не надо будетъ двигаться; поляки наступаютъ. Въ городѣ переполохъ. Вокзалъ заваленъ вещами коммунистовъ. Идетъ эвакуація.

8-го марта. Поляковъ еще нѣтъ, но передаютъ, что они показались въ 10 верстахъ отсюда.

Вчера большевики панически удирали. Сегодня начинаютъ по-маленьку возвращаться.

Мы живемъ недалеко отъ станціи, такъ что могли изъ нашихъ оконъ любоваться ихъ бѣгствомъ. Очевидно, послѣ полудня были получены удручающія извѣстія, потому что «отступленіе» приняло паническій характеръ. Изъ Гомеля прибыло нѣсколько спеціальныхъ поѣздовъ. Ихъ поспѣшно нагроузили. Въ послѣднихъ двухъ поѣздахъ люди сидѣли на паровозѣ, на тормозахъ, на крышахъ вагоновъ.

Группа солдатъ, не нашедшая мѣстъ въ поѣздѣ, отошла нѣсколько сотъ шаговъ отъ станціи и скрылась за насыпью. Когда поѣздъ подошелъ, солдаты выскочили, угрожая машинисту винтовками, остановили поѣздъ и втиснулись въ вагоны. Когда мимо насъ проходилъ послѣдній поѣздъ, его нагнало двое верховыхъ; они бросили лошадей у насыпи и на ходу вскочили въ вагонъ. М. хотѣлъ было присвоить себѣ лошадей, но какой-то мужикъ предупредилъ его намѣреніе.

Нашъ комиссаръ остался. Не вѣрять ли онъ польскому наступленію? поручила ли ему партія остаться для пропаганды, такъ какъ его жена — полька можетъ служить ему защитой? надоѣлъ ли ему большевизмъ?

10-го марта. Поляковъ все нѣтъ. Вѣроятно, это былъ лишь налетъ, но большевики испугались даже въ Гомелѣ, гдѣ, говорятъ, выбрасывали кипы бумагъ изъ оконъ учреждений на подводы, такъ торопились бѣжать.

Уже вчера утромъ прибылъ первый поѣздъ изъ Гомеля: паровозъ и пара вагоновъ. Онъ шелъ съ опаской, поминутно останавливаясь, очевидно, опасаясь ловушки. Увы! ея не было. Все чаще и чаще приходятъ поѣзда, нагруженные солдатами и трехдюймовками.

13-го марта. Большевики окончательно вернулись и новыя войсковыя части такъ разграбили рынокъ и крестьянъ, что всякій подвозъ и торговля прекратились. Уже 5 дней мы сидимъ безъ хлѣба. Питаемся исключительно картофелемъ, печемъ картофельные блины — специальное бѣлорусское кушаніе, которое часто замѣняетъ въ этой бѣдной странѣ хлѣбъ.

Мы бы можетъ и достали муки у евреевъ, но къ несчастью никто изъ насъ не говоритъ по-еврейски, насъ принимаютъ за чужихъ и не хотятъ помочь намъ. Отношенія здѣсь натянуты до крайности. Евреи ненавидятъ христіанъ, христіане ненавидятъ евреевъ, бѣлоруссы ненавидятъ поляковъ и т. д.

Въ поискахъ провизіи я проникала во многіе р—скіе «intérieurs» и до сихъ поръ не видѣла ни одной чистой, уютной комнаты, ничего похожего на дома нѣмецкихъ, бельгійскихъ крестьянъ и рабочихъ. Я видѣла большую чистоту въ комнаткѣ бѣднаго норвежскаго крестьянина.

Здѣшнія женщины, кажется, причесываются не ежедневно.

Я впервые вижу провинцію и, присматриваясь къ ней и къ домашнему быту нашего комиссара, я лучше понимаю, откуда пришелъ большевизмъ и почему онъ появился въ Россіи, а не въ Западной Европѣ.

Здѣсь нѣтъ почти крашенныхъ заборовъ, совершенно нѣтъ утрамбованныхъ дворовъ, нѣтъ даже колодца въ каждомъ дворѣ, единственныя приличныя уборныя выстроены нѣмцами, но зато въ каждой семьѣ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ коммунистъ.

17-го марта. К. К. лучше, но со вчерашняго дня у И. жаръ. Что будетъ, если окажется, что и у нея тифъ? Лучше не думать объ этомъ. Видно, намъ суждено здѣсь погибнуть.

Выбраться отсюда мы не можемъ; одна надежда, что прійдутъ поляки; со вчерашняго дня сильный артиллерійскій бой.

Хлѣба все нѣтъ. Купили фунтъ гречеваго у красноармейца, но онъ оказался несъѣдобнымъ. Неужели солдаты, которыхъ кормятъ такой гадостью, будутъ драться?

Гарнизонъ быстро увеличивается. Большинство солдатъ плохо одѣто. Имѣютъ болѣе приличный видъ китайцы и матросы, главные защитники совѣтской власти. Ведѣтъ постой. Солдаты ведутъ себя грубо, крадутъ, что могутъ. У насъ тоже постой: ветеринары съ чесоточными лошадьми, заболѣвшими отъ плохого питанія. Благодаря солдатамъ, мы имѣемъ воду изъ нашего колодца, а раньше намъ приходилось носить ее за полверсты. По буржуйской неловкости мы разливали воду, и зимой она леденѣла на насъ.

У комиссара два сторожа, но ни одинъ изъ нихъ ничего не хочетъ дѣлать. Въ началѣ нашего пребыванія, они даже уѣхали въ Полтавскую губ. за мукой, но вернулись съ пустыми руками: заградительные отряды все у нихъ отняли. Это случается сплошь да рядомъ. Наша сосѣдка, будочница, собрала послѣднія деньги, продала, что могла и снарядила сына въ богатая губерніи. У него тоже по дорогѣ все забрали.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и будочница, и сторожа продолжаютъ сочувствовать большевикамъ. Всѣ они — бѣженцы, живутъ въ землянкахъ съ семьями и хотятъ вернуться на родину въ мѣстности, занятыя поляками. Я еще въ Кіевѣ замѣтила, что бѣженцы дали очень много сторонниковъ большевизма. Это понятно. Они уже давно лишены всего, ихъ оторвали отъ родины, обращались съ ними, какъ со скотомъ. Если бы Николай Николаевичъ зналъ, что онъ своими приказами о выселеніи евреевъ изъ Царства Польскаго и о переселеніи польскихъ и литовскихъ крестьянъ увеличить кадры коммунистовъ!

II

ВОСПОМИНАНІЯ

1.

22-го марта р—ская милиція (замѣнившая уѣздную чека) обратила на насъ вниманію, и съ тѣхъ поръ началась почти двухмѣсячная пытка. Вотъ какъ было дѣло: денегъ у насъ не хватало, такъ какъ мы не рассчитывали на столь долгую задержку и не приготовили большихъ суммъ. Кто-то, чуть ли не самъ комиссаръ, указалъ намъ на мѣстнаго ювелира, которому можно было продавать деньги и цѣнные вещи. Еще въ февралѣ мы продали ему какую-то мелочь, но уже тогда меня встревожила неосторожность Д.: увидѣвъ меня у ювелира, она вбѣжала въ магазинъ и обратилась ко мнѣ по-польски, возбудивъ этимъ подозрѣнія ювелира, который сейчасъ же началъ допытываться о томъ, кто мы и отнесся скептически къ моимъ увѣреніямъ, что мы не поляки.

21-го марта я снова продала ювелиру нѣсколько тысячъ думскихъ. (Тогда давали за думскую тысячу — 4 тысячи и 4.500 совѣтскихъ рублей, но часто думскія деньги браковали.)

22-го марта моему примѣру послѣдовали Д. и С. На ихъ бѣду у ювелира сидѣлъ, во время ихъ посѣщенія, нѣкій Лившиць, — сынъ владѣльца гостиницы. Вся семья — преступники. О нихъ даже многіе коммунисты говорили съ презрѣніемъ. Лившицы служили при всѣхъ властяхъ въ сыскѣ; у большевиковъ они состояли при чека. Не одно раззореніе въ Р. и Гомелѣ — ихъ дѣло. Молодой Л. замѣтилъ въ рукахъ С. золотыя вещи. Онъ сейчасъ же побѣжалъ въ милицію, и, когда С. вышла отъ ювелира, не сойдясь съ нимъ въ цѣнѣ, ее задержалъ милиціонеръ и потребовалъ отъ нея золотыя вещи, которыми она, вопреки закону, торговала. Пошли въ милицію; тамъ С., чтобы замѣть дѣло, все отдала. Ее отпустили, и она уже надѣялась, что тѣмъ дѣло и кончится. Однако, за ней слѣдили. Дома она намъ ничего не сказала, а предупредила лишь комиссара; тотъ сказалъ по обыкновенію: «ничего!» и не принялъ никакихъ мѣръ. Не прошло и четверти часа, какъ явились два «сотрудника» милиціи съ милиціонерами. Начался обыскъ. Сначала все шло хорошо; чекисты были вѣжливы, предъявили ордеръ. Одинъ былъ русскій — Новиковъ — бывший матросъ днѣпровской флотиліи, другой — еврей — Крупецкій — бывший торговецъ краденымъ. У нихъ разгорѣлись глаза при видѣ содержимаго нашихъ чемодановъ, но при первомъ обыскѣ ничего не взяли.

Послѣ ихъ ухода, мы начали прятать наиболѣе цѣнные вещи и бумаги. Больше всего мы боялись, чтобы большевикамъ не попали въ руки компрометирующіе документы, то-есть польскіе паспорта. Комиссаръ убѣдилъ насъ, что паспорта будутъ у него въ большей сохранности. Онъ ихъ всунулъ въ мѣшокъ съ серебромъ С. и послалъ сына спрятать все на чердакѣ. Было уже темно и мальчикъ взялъ съ собой свѣчу; она то его выдала. Крупецкій и Новиковъ слѣдили за нами. Въ ту минуту, какъ М. поднялся на чердакъ, они вошли въ домъ, боковыми дверьми, угрожая револьверами. Сопротивляться никто не посмѣлъ. Достали мѣшокъ съ чердака, нашли серебро, паспорта. Потомъ оба чекиста ощупали всѣхъ, даже женщинъ; при малѣйшемъ протестѣ, они угрожали наганями.

Эту сцену освѣщала лучина; въ сосѣдней комнатѣ лежала въ жару комиссарша и подъ нее, я, почти на глазахъ чекистовъ, спрятала нѣсколько драгоценностей. Теперь было, положимъ, не до нихъ. Польскіе паспорта грозили намъ разстрѣломъ, насъ могли обвинить въ шпіонствѣ. И вотъ одинъ разъ въ жизни спасло насъ отъ смерти еврейское происхожденіе: ни русскій, ни еврей не признали въ насъ поляковъ, они пользовались лишь находкой паспортовъ, какъ угрозой, для того, чтобы запугать насъ и такимъ путемъ удобнѣе ограбить, но, при враждебности польско-еврейскихъ отношеній, ни они, ни другіе представители совѣтскихъ властей не вѣрили въ привязанность евреевъ къ Польшѣ, даже если они были родомъ оттуда.

Наконецъ, среди ночи, отца увели, не смотря на наши просьбы обожждать до утра: мы боялись, что они убьютъ его по дорогѣ. Видя наше отчаяніе, комиссаръ было вывзвался пойти съ ними, но, по обыкновенію, не сдержалъ слова и вернулся отъ калитки.

Лишь только они ушли съ отцомъ, кто-то постучалъ къ намъ. На вопросъ, стучавшіе отвѣтили, что они — санитары, сбившіеся съ пути и просятъ позволить имъ переночевать. Ихъ впустили и они легли въ одной комнатѣ съ дѣтьми комиссара. Потомъ мы узнали, что и они были чекистами, специально подосланными для слѣжки за нами. Рано утромъ часть семьи пошла въ городъ, другіе остались дома дожидаться дальнѣйшаго.

Послѣ ухода моей матери Д. пришла и настаивала, чтобы дать ей спрятать оставшіяся цѣнности. Я ей отказала, но К. схватила довольно большую денежную сумму и отдала ей.

Часамъ къ десяти пріѣхали на извозчикѣ К. и Н., въ сопровожденіи 3-хъ милиціонеровъ. Они точно по приказу пошли къ тому мѣсту, гдѣ Д. спрятала деньги и сейчасъ же нашли ихъ. Потомъ вернулись въ комнаты и снова стали рыться въ вещахъ С. и нашихъ. Обыскъ продолжался часа три. Закончился онъ распоряженіемъ конфисковать все, что у насъ было, и арестовать всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ и комиссара. Никакого ордера не предъявили, да и никто изъ насъ не подумалъ спросить о немъ. Было ясно, что хотятъ грабить; уже во время обыска исчезали вещи, даже комиссарскія. Новиковъ, уходя, откровенно сказалъ: «Давайте чемоданъ, въ которомъ я вчера видѣлъ шелковую матерію». Потомъ извозчикъ, возившій ихъ, рассказывалъ намъ, что они вытягивали лучшія вещи изъ сундуковъ уже по дорогѣ, опасаясь, что въ милиціи имъ придется дѣлиться съ товарищами.

Послѣ ихъ ухода, я нашла на столѣ черновикъ телеграммы, посланной въ Гомель. Она гласила: «У комиссара С. нашли контръ-революціонеровъ . . .»; затѣмъ слѣдовало требованіе разслѣдовать дѣло и удалить С. со службы.

Мы рѣшили, что жизни мужчинъ грозитъ такая опасность, что не стоитъ заботиться объ украденномъ добрѣ.

Миліція только этого и добивалась. Но она еще не достигла своей цѣли: — не добралась до нашихъ драгоценностей. Чтобы найти ихъ, насъ еще пять разъ обыскивали, то день за днемъ, то черезъ день. Милиціонеры давали совѣты отрывать полы (этого не сдѣлали, но, кажется, только этого), рыться въ золѣ, въ мусорѣ. Милиціонерами были солдаты мѣстнаго гарнизона, они всѣ относились къ намъ враждебно. Только одинъ изъ нихъ, молоденькій мальчикъ еврей, самъ помогъ спрятать послѣдній узелъ, который хотѣлъ забрать Н.

Мужчины, тѣмъ временемъ, сидѣли въ уѣздномъ арестномъ домѣ, гдѣ было невыносимо грязно и вся пища арестантовъ состояла въ полуфунтѣ гречневаго хлѣба въ день.

Но мы могли имъ приносить пищу и видѣться съ ними. Два раза въ день мы носили имъ судки съ ѣдой; приходилось ходить по свѣже-вспаханымъ полямъ. Часто во время этихъ прогулокъ, мы слышали отдаленные артиллерійскіе выстрѣлы. При каждомъ выстрѣлѣ молили о внезапномъ польскомъ налетѣ; въ такомъ случаѣ могла быть надежда, что арестантовъ выпустятъ или забудутъ увезти. Дома насъ ждали обыски. Послѣдній былъ самый страшный. Оба чекиста озвѣрѣли отъ неудачныхъ попытокъ найти драгоценности. Они пришли къ намъ, когда дома были лишь мы съ Н. Вещей совсѣмъ почти не осталось, но они снова открывали всѣ коробки, перетряхивали постель, щупали подкладки, муфты, шляпы. У насъ работалъ Н. К-ій тѣмъ временемъ ухаживалъ за С. и Д. Наконецъ, Н-овъ ваявилъ, что сдѣлаетъ намъ натѣльный; то-есть личный обыскъ. Но это возмутило даже К-го; онъ рѣшительно запротестовалъ и Н. долженъ былъ ограничиться ощупываніемъ.

Не найдя ничего, они стали полупешотомъ совѣщаться о томъ, какъ задержать на улицѣ и обыскать мою мать и И. Передъ уходомъ они ваявили намъ, что скоро придутъ изъ Гомеля ищейки, которыя узнаютъ гдѣ что закопано.

Тогда (слишкомъ поздно) мы рѣшили искать защиты, хотя бы у самихъ большевиковъ.

Кто-то слышалъ, что вслѣдствіе большихъ «злоупотребленій», происшедшихъ при конфискаціи нашего имущества, разслѣдованіе дѣла было поручено госконтролю.

На слѣдующій же день мы пошли туда. Какъ мы обрадовались! Оказалось, что мѣстный государственный контроль является убѣжищемъ буржуевъ; бывшіе купцы, юристы, чиновники пошли туда, чтобы считаться на совѣтской службѣ. Послѣ двухмѣсячнаго общенія съ коммунистами, мы снова увидѣли своихъ. Они были милы, любезны, сочувствовали намъ, но помочь были безсильны. Посовѣтовали обратиться къ товарищамъ Василевецкому и Можейкѣ — вліятельнымъ членамъ исполкома.

Пошли въ исполкомъ. Онъ находился въ особнякѣ, сохранившемъ слѣды былого великолѣпія. Пришлось ждать довольно долго, пока товарищъ В., наговорившись до сыта по телефону, обратился къ намъ. И онъ уже зналъ о нашемъ дѣлѣ, но не могъ ничѣмъ помочь буржуямъ, «у которыхъ было найдено нѣсколько дюжинъ чулокъ и перчатокъ и столько носильнаго и постельнаго бѣлья». Все это должно было быть конфисковано. На наши робкіе протесты, онъ заявилъ: «Больше двухъ смѣнъ бѣлья на человека не полагается. Я самъ имѣю 2 рубахи и носу каждую по 2, 3 недѣли».

Съ этимъ гигиеническимъ предписаніемъ, мы ушли. В. производилъ впечатлѣніе честнаго, но глупаго малаго, почерпнувшего все свое міровоззрѣніе въ полудюжинѣ брошюръ.

На слѣдующій день моя мать и И. пошли ко второму нотаблю — Можейкѣ. Это былъ полякъ-реэмигрантъ изъ Америки, имѣвшей на него хорошее вліяніе, хотя бы въ отношеніи манеръ.

Въ Р. было довольно много такихъ реэмигрантовъ, такъ какъ Можейко говорилъ по-англійски съ нѣсколькими своими товарищами.

Его видно тронули наши жалобы, такъ какъ онъ сказалъ, что это «чортъ знаетъ, что такое» и «что эти безобразія надо прекратить».

Тѣмъ временемъ слухи о насъ распространялись и, въ изукрашенномъ видѣ, докатились до Брянска. Тамъ, какъ намъ передавали, рассказывали, что была раскрыта шайка контръ-революціонеровъ и польскихъ шпіоновъ, у которыхъ нашли пудъ золота (золотыя серьги С., предметъ вождѣлннй Лившица и причина всѣхъ нашихъ несчастій). Вспокоились и въ Гомелѣ, гдѣ чека, вѣроятно, позавидовала добычѣ своихъ р-скихъ коллегъ. Поэтому, желая поскорѣй замѣть дѣло, насъ судила р-ская «тройка» — Вас—ій, М—о и Симановскій, тоже «сотрудникъ» уѣздной милиціи, бывший ломовикъ, извѣстный на весь уѣздъ воръ.

Они были чрезвычайно милостивы; постановили часть вещей намъ вернуть и мужчинъ, за отсутствіемъ состава преступленія, освободить. Но они опоздали. Въ дѣло вмѣшались Гомель и мѣстная желѣзнодорожная чека; мы жили на землѣ, принадлежащей желѣзной дорогѣ и потому входили въ ея вѣдѣніе. Два желѣзнодорожныхъ чекиста пришли къ намъ справиться объ обидахъ, нанесенныхъ намъ милиціей, но начали они съ того, что тщательно перерыли весь домъ. Впрочемъ, были вѣжливы, пили чай и спрашивали о денкинцахъ, съ интересомъ разсматривали денкинскія деньги.

Наконецъ, двухъ мужчинъ выпустили; остались въ тюрьмѣ комиссаръ и отецъ.

Мы попрежнему носили имъ два раза въ день пищу, такъ какъ никому нельзя было ео довѣрить: М. разъ взялся отнести нѣсколько котлетъ и съѣлъ всѣ самъ по дорогѣ.

Въ тюрьмѣ отношенія были идиллическія; насъ пускали въ камеру, гдѣ всегда сидѣло человекъ пятнадцать (иногда и больше). Дѣло въ томъ, что заключеніе въ тюрьму теперь замѣнило у большевиковъ такія мѣры, какъ выговоръ, замѣчаніе.

Сидѣли поэтому офицеры, напр. начхозъ мѣстной дивизіи (57-ой); сидѣли солдаты-дезертиры; сидѣлъ богатый мужикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ усадебъ въ Р. Онъ отказалъ стоявшимъ у него красноармейцамъ въ провизіи, и тѣ донесли на него, какъ на «кулака». Послѣ рѣшенія суда намъ вещи вернули, но по выбору милиціи. С—ій самъ отбиралъ ихъ, старательно отдѣляя все старое для насъ, а новое для собеза. Возвращали все, согласно декрета, по числу членовъ семьи, при чемъ рѣшили, что мужчины въ простыняхъ не нуждаются. Впослѣдствіи, уже при полякахъ, я видѣла на дѣвочкѣ платьице изъ нашей полотняной скатерти въ цвѣтныхъ разводахъ, а въ наробразѣ слышала разсказъ какой-то фрбелички, какъ на ея глазахъ рѣзали бѣлье на куски.

Мы не знали, какъ доставить домой возвращенные чемоданы. Пришлось еще просить начальника милиціи о письменномъ разрѣшеніи, такъ какъ во всей Россіи нельзя перевозить по улицѣ частнаго имущества; затѣмъ трудно было сговориться о цѣнѣ (у насъ совсѣмъ почти не было денегъ) за перевозку, но тотъ самый старичокъ-извозчикъ, который увезъ наши вещи, изъ жалости, задаромъ доставилъ ихъ обратно.

Намъ обѣщали на слѣдующій день освободить отца и комиссара, но прибыли изъ Гомеля чекисты съ приказомъ доставить ихъ туда. Мать и сестра рѣшили поѣхать вмѣстѣ съ ними, но имъ не выдавали пропусковъ. Мѣстный комендантъ, бывший царскій офицеръ, кричалъ, топалъ ногами и на всѣ мольбы отвѣчалъ, что не позволитъ буржуямъ развѣзжаты. Хуже всего было то, что мы во время обысковъ лишились всѣхъ документовъ и не рѣшались ѣхать и безъ паспортовъ и безъ пропусковъ, опасаясь новыхъ арестовъ. Видно было, что р—скія власти боялись нашихъ жалобъ въ Гомелѣ и не хотѣли насъ выпустить. При мнѣ помощникъ начальника милиціи кричалъ по телефону коменданту: «Вы не смѣете давать пропускъ N.!»

Наконецъ, сжалился самъ начальникъ милиціи и выдалъ временный видъ на жительство. И комендантъ переложилъ гнѣвъ на милость, обѣщавъ пропускъ на завтра.

Отца и комиссара увезли вечеромъ того же дня. Къ нимъ присоединили, по неизвѣстной причинѣ, Н., пришедшаго провѣдать ихъ на вокзалѣ. Когда мы принесли отцу чистое бѣлье и одежду, одинъ изъ солдатъ, караулившихъ его, сталъ уговаривать насъ, не давать ему ничего съ собой. Было страшно тяжело, такъ какъ мысли этого доброжелателя были ясны: онъ опасался, чтобы хорошій костюмъ не былъ причиной разстрѣла. Дѣйствительно, при отцѣ въ Гомелѣ, разстрѣляли безъ всякаго суда молодого поляка, и сейчасъ же послѣ разстрѣла чекисты появились въ его одеждѣ, а у одного блестяло на пальцѣ кольцо разстрѣляннаго.

На слѣдующій день поѣхали мать съ сестрой. Благодаря протекціи коменданта станціи, онѣ поѣхали подъ охраной солдата, но въ товарномъ вагонѣ. Пассажирскихъ вагоновъ на этой линіи совершенно не было. Только разъ одинъ изъ комиссаровъ поѣхалъ въ трехъ вагонахъ перваго класса на него одного.

Послѣ отъѣзда родителей, мы ожидали извѣстія о наихудшемъ, но черезъ четыре дня, какъ разъ въ первый день христіанской Пасхи, всѣ вернулись.

Какъ удалось отцу и комиссару освободиться, намъ до сихъ поръ непонятно. Кто за нихъ вступился? почему ихъ не преслѣдовали? Мы объ этомъ и не спрашивали. Моя мать была у нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, (не-коммунистовъ, такъ какъ таковыхъ мы не знали), но на врьдъ ли эти люди, сами вѣчно напуганные могли чѣмъ-нибудь помочь.

Всѣмъ Гомелемъ трясли тогда два брата Нахамкины — сыновья извѣстнаго всему городу вора. Ихъ отецъ умеръ незадолго до того. Послѣдніе мѣсяцы жизни, онъ былъ въ большемъ почетѣ. Его лѣчили лучшіе врачи, весь городъ о немъ заботился. Хоронили его торжественно; на похоронахъ были делегаціи отъ всѣхъ учреждений.

Одинъ гомелецъ рассказывалъ, что секретаремъ ревкома былъ его бывший полуграмотный кучеръ, который при встрѣчахъ со своимъ бывшимъ хозяиномъ мялся и иногда величалъ его баршномъ.

Гомельская чека была куда хуже р—ской тюрьмы. Сыпнотифозные лежали въ одной камерѣ со здоровыми. Арестованныхъ, даже женщинъ, избивали до потери сознанія. Пищи совсѣмъ не выдавали. Освободили отца и комиссара подъ расписку: они обязались не покидать Р., такъ что теперь надо было бросить всякую мысль о выѣздѣ.

Они такъ спѣшили домой, что не взяли пропуска и изъ за этого чуть не были снова арестованы гомельской желѣзнодорожной чека.

По дорогѣ въ поѣздѣ, они завязали знакомство съ красноармейцами, недавно вернувшимися изъ Франціи. Это были солдаты изъ тѣхъ двухъ корпусовъ, которые еще при царскомъ режимѣ были посланы во Францію. Всѣ были ярыми коммунистами и ненавидѣли французовъ.

Когда до нихъ дошло извѣстіе о русской революціи, они взбунтовались и убили многихъ своихъ офицеровъ. Тогда французское правительство выслало ихъ въ колоніи, гдѣ

употребляло для тяжелыхъ работъ. Они жаловались на тамошнія условія жизни и на эксплуатацію, которой ихъ подвергали французы. Въ 19 г. ихъ выслали обратно въ Россію. Французы, зная ихъ настроеніе, хотѣли ихъ передать прямо большевикамъ, но, по настоянію Деникина, привезли ихъ на югъ. Тамъ ихъ присоединили къ добровольческой арміи, и, теперь, они хвастали, что немало способствовали ея разложенію. Одѣты они были до сихъ поръ прекрасно, и всю эту обмундировку дали имъ эксплуататоры французы.

2.

Убѣдившись, что мы застряли въ Р. надолго, мы рѣшили искать средствъ къ жизни. Существовать одной продажей и обмѣномъ бѣлья и одежды было невозможно и бессмысленно.

Положеніе матеріальное, какъ наше, такъ и семьи комиссара было печальное. Небольшія средства, ваятыя изъ дому, мы частью уже проѣли, частью ихъ украли чекисты. Послѣ долгихъ торговъ, они изъ забранныхъ 50 тысячъ думскими выдали намъ десять тысячъ. Это была ничтожная сумма. На одну ѣду (при нищенскомъ питаньи) мы расходовали въ мѣсяцъ восемьдесятъ тысячъ совѣтскими. Семья комиссара нѣсколько дней сидѣла совершенно безъ хлѣба. Надъ ними разъ сжалился какой-то офицеръ и подарилъ имъ фунтъ своего хлѣба, получивъ обѣщаніе отъ Д., что она смастеритъ куклу для его дѣвочки.

Наше отчаянное положеніе вызвало сочувствіе совѣтскаго слѣдователя при чека, хотя онъ никогда не былъ милостивъ къ буржуямъ.

Биографія этого господина интересна. Онъ — сынъ городского. Мѣстный прокуроръ обратилъ вниманіе на способнаго мальчика и помогъ ему закончить образованіе. При его протекціи Х. началъ дѣлать карьеру по военному вѣдомству. Когда началась революція, онъ объявилъ себя украинцемъ, быстро выдвинулся и правительствомъ Петлюры былъ назначенъ губернскимъ старостой. Но въ началѣ 19 г. пришли въ Гомель большевики. Х. сумѣлъ и имъ понравиться. Сталъ ли онъ коммунистомъ, не знаю, но онъ получилъ высокой постъ и имѣлъ большое вліяніе. Р—ане жаловались, что онъ дѣлалъ карьеру на ихъ благосостояніи. Онъ будто бы поддерживалъ наиболѣе суровыя мѣры, принималъ дѣятельное участіе въ конфискаціи имущества своихъ друзей, даже своего благодѣтеля.

И, какъ это ни странно, этотъ человѣкъ принялъ въ насъ участіе, совѣтовалъ подавать жалобы на ограбленіе и т. п.

Считалъ ли онъ, что поляки обязательно прійдутъ? думалъ ли онъ, что совѣтская власть уже не прочна?

Но совѣтами его мы не могли насытиться и поэтому должны были пойти на совѣтскую службу. И. устроилась при какомъ-то военно-хозяйственномъ отдѣлѣ, Н. при совѣтскихъ столовыхъ, а я при библиотечной комиссіи наробраза. Совѣтскія столовыя — это, навѣрное, самое отвратительное изъ совѣтскихъ учреждений. Грязь тамъ невѣроятная, ѣда — невыносимая и выдается въ слишкомъ малыхъ количествахъ. Бѣдный Н. долженъ былъ съѣдать 2 обѣда, чтобы насытиться. Приборовъ не даютъ, такъ что каждый долженъ приносить съ собой ложку.

Организація столовыхъ такова, что новопріѣзжіи можетъ остаться безъ пищи въ день своего приѣзда. Обѣды выдаютъ по карточкамъ, но ихъ надо брать наканунѣ начала посѣщеній. Въ тотъ же день обѣда не выдадутъ. Только мольбы могутъ смягчить суровое сердце завѣдующей.

За время моихъ сношеній съ р—ми совѣтскими учреждениями, я могла приглядѣться къ провинціальной работѣ большевиковъ. Она была еще страшнѣе, чѣмъ въ большихъ центрахъ. Тамъ большой культурный слой сдерживалъ до нѣкоторой степени хамство. Тутъ оно царствовало. Всѣ учрежденія были въ рукахъ недоучившихся студентовъ и курсистокъ. Совершенно неопытные, безтолковые, они еще больше уродовали и безъ того безумныя начинанія совѣтской власти.

Во главѣ библіотечной комиссії стояла барышня, проработавшая годъ въ какой-то библіотекѣ, какъ помощница завѣдующей; лекціонной комиссіей завѣдывала дѣвица, которая сама откровенно сознавалась, что понятія не имѣетъ, какъ это «устраиваютъ» лекціи. Но онѣ были коммунистками, а остальная, болѣе опытная по этимъ дѣламъ, часть р—го населенія къ партіи не принадлежала. Когда я впервые пришла въ наробразъ и записалась въ неизбѣжномъ опросномъ листѣ безпартійной, всѣ были поражены, но успокоились, вспомнивъ, что мѣстный лекторъ — военный — тоже безпартійный социалистъ. Они ни минуты не подумали, что я могу быть безпартійной несоциалисткой. Въ ихъ глазахъ люди дѣлились на большевиковъ, меньшевиковъ, которыхъ, какъ и безпартійныхъ социалистовъ, презирали, но позволяли имъ жить, и на инако мыслящихъ, вредныхъ безумцевъ — мясо для чрезвычайекъ. Наробразъ помѣщался въ, когда-то прелестномъ, домѣ инспектора народныхъ училищъ. Этотъ инспекторъ былъ на дурномъ счету у большевиковъ и бѣжалъ передъ ихъ приходомъ. При насъ говорили, что онъ убитъ. Оставшихся жену и дочь большевики сейчасъ же выдворили изъ дому. Онѣ гдѣ-то ютились на чердакѣ. Я уже не застала слѣдовъ ихъ устройства. Но врядъ ли оно вообще еще существовало. Мало-по-малу я открыла много красивыхъ домовъ въ Р., но немногіе изъ нихъ были въ распоряженіи законныхъ владѣльцевъ.

Милиція помѣщалась въ домѣ главнаго лѣсничаго уѣзда. Она туда переѣхала изъ совершенно разореннаго ею дома нѣкоего Марголина, который, по словамъ Крупецкаго, былъ высланъ въ концентраціонный лагерь въ Москву.

Нѣкоторымъ лицамъ удалось защититься: городской врачъ отдалъ часть своего дома подъ госконтроль, прокуроръ подъ библіотеку, двѣ одинокія барышни уступили нѣсколько комнатъ дѣтскому саду и т. д.

И. работала въ хозяйственномъ отдѣлѣ несуществующаго учрежденія. Вся дѣятельность служащихъ сводилась къ тому, чтобы выдавать другъ другу пайки, фуражъ и записывать это. За исключеніемъ И. и еще двухъ барышень всѣ служащіе были коммунистами. Они были изъ рабочихъ и крестьянъ. Всѣ почти были христіане. Къ единственнымъ двумъ евреямъ относились пренебрежительно. Однажды, въ это учрежденіе попала польская прокламація, призывавшая русскихъ сбросить съ себя ярмо большевизма, наложенное на нихъ евреями. Воззваніе это разсмѣшило ихъ. Трудно сказать былъ ли искрененъ ихъ коммунизмъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ хуторъ на югѣ, другой лично зналъ вел. кн. Елизавету Феодоровну, бывая у монахини того монастыря, гдѣ она жила. Онъ всегда отзывался о ней съ уваженіемъ.

3.

Такъ проходили недѣли. По нѣскольку разъ въ день пріѣзжали поѣзда съ солдатами и орудіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, одна коммунистка сказала Д., что предполагаетъ скоро эвакуироваться въ Кіевъ. Такія сообщенія поддерживали насъ въ нашемъ отчаяніи.

Артиллерійскіе бои бывали все чаще и сильнѣй. Дороговизна росла. Соль почти совсѣмъ исчезла. Бывали дни, когда за фунтъ требовали 1800 рублей совѣтскими. За соль крестьяне давали картофель, сало, молочные продукты. Къ несчастью сосѣднія деревни были бѣдныя, къ тому же ихъ разворяли постоянные постои. Въ одинъ изъ самыхъ непріятныхъ дней, когда мы не имѣли ни хлѣба, ни картофеля, мнѣ удалось достать за фунтъ соли пудъ картофеля въ ближайшей деревнѣ. Я его пронесла на спинѣ около 2-хъ верстъ. Какъ ни непривычно было это занятіе для горожанки, я все таки предпочитала это или даже совѣтскую службу — полному бездѣйствію. Въ такія минуты наше отчаяніе выражалось въ ссорахъ, упрекахъ.

Съ теченіемъ времени, я снова начала дѣлать планы бѣгства. Я надѣялась воспользоваться однимъ изъ объѣздовъ по уѣзду, которые должна дѣлать завѣдующая библіотечнымъ отдѣломъ. Представлялся также случай поѣхать Днѣпромъ въ Жлобинъ

Эта станція была главнымъ мѣстомъ переправъ черезъ границу; такъ ѣхали въ Польшу бѣглецы изъ Великороссіи.

Въ Р. кромѣ насъ застряли еще кievляне, пріѣхавшіе позже. Я хотѣла присоеди- ниться къ нимъ, но не успѣла. Имъ же не повезло; они благополучно добрались до мѣста назначенія (избѣжавъ, благодаря взятокъ, обыска на пароходѣ), но не могли выѣхать дальше, такъ какъ подъ Жлобинымъ начались бои. Но онъ такъ и не былъ взятъ, и наши друзья выбрались за границу только послѣ долгихъ мытарствъ.

Перваго мая было большое торжество, не только для большевиковъ, но и для насъ: мы узнали о взятіи Житомира. Шествіе съ красными знаменами было испорчено; при- летѣлъ польскій аэропланъ и брошенные съ него бомбы испугали шествующихъ.

Вечеромъ персоналъ санитарнаго поѣзда, стоявшаго около насъ, устроилъ кон- цертъ. Больше всего времени заняли рѣчи. Наболѣе толковую произнесъ рабочій Котовъ, бывшій слушатель рабочаго университета Зиновьева. Онъ старался объяснить намъ, что вся исторія вела человечество къ коммунистическому строю. Онъ сознавался, что жизнь въ Россіи ужасна, но увѣрялъ насъ, что это переходное время, эпоха разру- шенія стараго. Съ началомъ творчества все будетъ великолѣпно. — «Сначала успокое- ніе, потомъ реформы». — Но онъ держался корректно. Послѣ него выступилъ фанатикъ. Сначала онъ вставилъ насъ, стоя, пѣть интернаціональ, затѣмъ посыпались обычныя ругательства: «золотопогонная, бѣлогвардейская сволочь, мерзавцы паны, подлая буржуазія» и т. д. Но между двумя ругательствами, онъ сообщилъ намъ, что Житомиръ въ польскихъ рукахъ. Снова мелькнула надежда; поляки могли продвинуться до Днѣпра.

Послѣ рѣчей начался концертъ. Подъ аккомпаниментъ гармоникъ, на которыхъ они играли превосходно, два матроса пѣли циничные, богохульные куплеты, очень понравившіеся публикѣ. Они были такъ мерзки, что, хотя оскорбляли не мою религію, я ушла.

Съ этого дня мы еще съ большей тревогой читали сводки, расклеенныя по стѣнамъ домовъ (единственныя газеты, доступныя жителямъ Р.), о событіяхъ на фронтѣ, онѣ для большевиковъ были неприятны, сообщали съ опозданіемъ, но я должна сознаться, что въ общемъ совѣтскія газеты не лгали. Онѣ сгущали краски, раздували извѣстія о стачкахъ и возстаніяхъ, но самихъ фактовъ не выдумывали.

Наболѣе интересной ихъ частью, послѣдніе мѣсяцы, — были сводки арміи труда. Я читала ихъ съ трепетомъ. Мнѣ все мерещилось, что большевикамъ удастся кое-какъ организовать трудъ, и коммунистическій режимъ укрѣпится. Положимъ, данныхъ для такихъ предположеній было мало: рядомъ съ откровенными признаніями о неработо- способности 75% желѣзнодорожнаго состава и призывами къ увеличенію труда, стояли такія свѣдѣнія: «на станціи X. 50 товарищей, проработавъ 8 час., нагрузили шпалами 2 платформы, причемъ тащили шпалы 200 сажень» и т. п.; въ такихъ-то мастерскихъ отремонтировали за недѣлю паровозъ; тамъ-то за мѣсяць нарубили 20 сажень дровъ. Все минимальныя цифры, тысячная часть до-большевистской производительности.

Я могла воочию убѣдиться, какъ исполнялась эта работа. Въ тѣ дни, когда по оче- реди, служащіе опредѣленныхъ учрежденій должны были идти рубить дрова, таскать шпалы, грузить вагоны и т. п., являлись на службу лишь безпартійные, коммунисты регулярно блистали отсутствіемъ.

4-го мая разнесся слухъ, что Кіевъ уже взятъ. Насъ это извѣстіе привело въ ужасъ. Мы опасались, что поляки удовлетворятся правобережной Украиной и не захотятъ идти вглубь Бѣлоруссіи. У насъ ничто не предвѣщало близкаго отступленія. Больше- вики хозяйничали, какъ всегда. Въ первыхъ числахъ мая, они обложили «буржуевъ» новой данью: по дамскому и мужскому костюму съ семьи. Повторялись знакомыя кiev- скія сцены: нѣсколько солдатъ и милиціонеровъ врывалось въ квартиры, рылось въ шкафахъ и сундукахъ, выбирая самую лучшую и дорогую одежду. 6-го мая я зашла по дѣлу въ городскую милицію и увидѣла тамъ груды реквизированныхъ костюмовъ, въ которыхъ рылись милиціонеры, выбирая себѣ то, что каждому наболѣе нравилось.

Въ ту минуту, когда они были заняты этимъ дѣломъ, въ комнату влетѣлъ одинъ изъ ихъ товарищей. Онъ держалъ въ рукахъ новѣйшій номеръ газеты и, запыхаясь, прочелъ

намъ телеграмму о назначеніи генераловъ Брусилова, Поливанова и многихъ другихъ командующими совѣтскими красными арміями. Сбѣжалась съ криками удивленія вся милиція.

Мнѣ тоже хотѣлось кричать, но отъ ужаса. Брусиловъ и Поливановъ на совѣтской службѣ! Лучшій генералъ и лучшій военный министр! Я уже видѣла непобѣдимыя красныя арміи, заливающія всю Европу. Р—скіе буржуи, которымъ я принесла это потрясающее извѣстіе, не хотѣли вѣрить мнѣ. Одинъ изъ нихъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ: «Но, что будутъ дѣлать Брусиловъ и Поливановъ въ этой босяцкой компаніи?» Мы ломали себѣ головы надъ тѣмъ, что могло побудить ихъ стать во главѣ совѣтскихъ армій. Угрозы ли большевиковъ? ненависть ли къ полякамъ? та любовь къ родинѣ, которая ваставляетъ сражаться за нее, даже, когда она жестока? Можетъ быть, и они согласны съ большевизмомъ — эти царскіе генералы? Незадолго до того совѣтскія газеты сообщали, что проф. Тимирязевъ сказалъ, что не-то онъ счастливъ умереть подъ властью Ленина, не то счастливъ оставить своего сына подъ той же властью.

Вечеромъ того же дня у меня было засѣданіе лекціонной комиссіи. По дорогѣ я узнала, что видѣли поляковъ въ деревнѣ Х., въ 40 верстахъ отъ насъ, но я отнесла это извѣстіе къ слухамъ.

На засѣданіи было человекъ 7—8: учителя мѣстной гимназіи, военный врачъ; кромѣ товарища предсѣдателя наробраза — всѣ безпартійные. Работа не клеилась. Мнѣ заявили, что неудобно было предоставлять читать лекціи по исторіи безпартійнымъ, въ виду нежелательнаго освѣщенія фактовъ.

Спорила я слабо; во-первыхъ, я надѣялась, что до лекцій не дойдетъ, во-вторыхъ, была занята разсматриваніемъ своихъ новыхъ знакомцевъ. Это были типичные представители мѣстечковой русской и еврейской интеллигенціи. Видно было, что большевизмъ имъ не по душѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они недовольны и всѣмъ инымъ, поэтому не пріявъ ни того, ни другого, вѣчно сидятъ между двухъ стульевъ, справедливо вызывая недовѣріе представителей обоихъ теченій.

7-го мая родители съ утра пошли съ комиссаромъ на вокзалъ. Они хотѣли поѣхать въ Гомель за семейными бумагами, захваченными во-время обысковъ. Еще до ихъ ухода началось необыкновенное движеніе поѣздовъ товарныхъ и бронированныхъ. Мы поняли, что началась эвакуація.

Около 10 ч. родители съ комиссаромъ пошли на вокзалъ. Но часа черезъ полтора комиссаръ вернулся, и, въ то время, когда онъ подходилъ къ дому, мимо нашихъ оконъ прошелъ поѣздъ въ Гомель. Комиссаръ со смѣхомъ указалъ на него и сказалъ мнѣ: «Поѣхали наши!» На мой вопросъ, почему онъ остался, онъ сказалъ, что долженъ былъ за чѣмъ-то забытымъ вернуться домой, опоздалъ на этотъ поѣздъ и поѣдетъ слѣдующимъ. Не зная о томъ, что творилось на вокзалѣ, я не безпокоилась. Вдругъ, черезъ часъ вернулись родители, съ отчаяніемъ рассказывая, что ихъ не пустили въ поѣздъ. Они вынесли впечатлѣніе, что эвакуація идетъ очень медленно, и они бы успѣли съѣздить въ Гомель и вернуться.

Еще черезъ нѣсколько часовъ, мы благодарили нашу счастливую звѣзду за то, что родителямъ не удалось попасть въ поѣздъ. Но и теперь не понимаю, къ чему былъ очевидный планъ комиссара погубить насъ, отправивши часть семьи въ Гомель. Онъ по всей вѣроятности, узналъ на вокзалѣ о неминуемомъ занятіи Р., хотѣлъ самъ остаться, но почему то добивался отъѣзда родителей.

Гораздо раньше обычнаго времени вернулась со службы И. Въ ея учрежденіи внезапно, около 12 ч., былъ данъ приказъ эвакуироваться, и въ теченіе часа все имущество было нагружено на подводы. Потомъ, при громкомъ плачѣ и пожеланіяхъ скорѣйшаго возвращенія со стороны служащихъ изъ мѣстныхъ дѣвицъ, всѣ коммунисты, снабженные винтовками пошли на фронтъ. (На слѣдующій день нѣкоторые изъ нихъ снова появились въ Р., но уже въ качествѣ польскихъ плѣнныхъ).

Семья комиссара, все время недовѣрчиво относившаяся къ слухамъ продолжала повседневную работу, и вечеромъ Д. предложила мнѣ отнести вмѣстѣ съ ней шляпу, заказанную ей какой-то р—ской модницей.

Мы пошли полями въ сторону Днѣпра. Уже по дорогѣ въ ту сторону, я слышала пулеметную стрѣльбу, но не придавала ей значенія, такъ какъ въ этомъ районѣ часто упражнялись въ стрѣльбѣ красноармейцы. Переходя черезъ насыпь, мы видѣли, уѣзжавшій въ Гомель, бронепоездъ. Со станціи доносились частые гудки. Но въ боковыхъ улицахъ было спокойно.

Заказчицей шляпы была хорошенькая бѣженка. Ея мать пригласила насъ отдохнуть и дала Д. за работу нѣсколько фунтовъ телятины. Въ это время въ комнату вошелъ ея сынъ — мальчикъ лѣтъ 17-ти, 18-ти и поставилъ въ уголь винтовку. Мы разговорились. Молодой человекъ рассказалъ намъ, что его старшій братъ — коммунистъ — сотрудникъ наркомвоена — пошелъ на фронтъ. Онъ самъ не былъ въ партіи, но, будучи въ призывномъ возрастѣ, обязанъ былъ эвакуироваться. Онъ твердо вѣрилъ въ непобѣдимость совѣтскаго оружія. «Увидите», увѣрялъ онъ меня, «черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, красные флаги будутъ развѣваться надъ зданіями Варшавы. Она будетъ нашей». Миѣ стало невыразимо жутко. Я никогда не забуду этой чистенькой, привѣтливой комнатки съ цвѣтами на окнѣ и иконами въ углу, милой старушки и дѣвушки, и этого мальчика съ дѣтски-круглымъ лицомъ и наивными глазами, который такъ твердо вѣрилъ въ побѣду большевизма.

И это былъ непартійный! Что же долженъ былъ говорить его братъ? Я припомнила себѣ въ этотъ мигъ всю р—скую молодежь, знакомую миѣ. Всѣ, даже дѣти бывшихъ буржуевъ, сочувствовали коммунизму, сжились съ нимъ. И съ еще большимъ отчаяніемъ, я спрашивала себя какъ ужиться въ этой странѣ, гдѣ отъ генераловъ и профессоровъ до солдатъ и гимназистовъ, всѣ согласны съ большевизмомъ.

Наконецъ, мы попрощались и ушли, пожелавъ юношѣ-воину многихъ побѣдъ.

На возвратномъ пути, мы слышали пулеметы еще яснѣй. Выстрѣлы шли со стороны моста, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ станціи. Теперь было ясно, что идетъ бой. Вопросъ былъ только въ томъ, кто побѣдитъ.

Дома насъ встрѣтили извѣстіемъ, что врагъ близко.

Стоявшій около насъ санитарный поездъ отошелъ; ветеринары нагрузили лошадей; сарай со снарядами былъ пустъ. Какъ разъ недѣлю передъ тѣмъ, въ субботу, зная набожность мѣстныхъ евреевъ, большевики пригнали партію стариковъ и заставили ихъ разгрузить цѣлый вагонъ снарядовъ и отнести ихъ въ сарай. Нагрузили ихъ теперь въ пятницу вечеромъ тоже исключительно еврей. Было ли это коммунистическое пренебреженіе къ буржуазнымъ религіознымъ предрассудкамъ вообще, или направлено специально противъ евреевъ? Въ Р. еще въ 19 г. были недоразумѣнія на этой почвѣ. Когда мы пріѣхали, я обратила вниманіе на то, что лучшая синагога занята подъ казармы. Комиссаръ объяснилъ миѣ, что это было сдѣлано въ видѣ наказанія: въ первые же дни вступленія большевиковъ въ Р. они заняли церковь и костель. Кто-то поѣхалъ въ Гомель, обвинили еврейскихъ коммунистовъ, христіанскіе храмы освободили и заняли синагогу.

Но теперь и тѣ, и другіе коммунисты убѣгали.

Я сѣла у окна, чтобы наблюдать за желѣзнодорожными путями. Трескотня пулеметовъ доходила уже до насъ. Со станціи непрерывно неслись свистки.

Потянулся длинный поездъ. Онъ былъ биткомъ набитъ людьми. Шелъ онъ медленно, осторожно. Когда онъ приблизился къ мосту, стрѣльба усилилась. И вдругъ мы увидѣли, какъ полемъ понеслась въ городъ толпа людей — мужчинъ и женщинъ — соскочившихъ съ поезда, потерявъ надежду прорваться. Ихъ опасенія были чрезмѣрны. Поляки объяснили намъ потомъ, что пулеметами они задержать поездовъ не могли. Поэтому два товарныхъ поезда прорвалось въ Гомель. Ихъ отступленіе прикрывалъ бронепоездъ «Черноморецъ» — даръ американцевъ Колчаку. Большевики завладѣвъ имъ, переименовали его. Въ противоположность остальнымъ совѣтскимъ бронепоездамъ, онъ былъ совершенно новый. Своимъ блестящимъ веленымъ цвѣтомъ, онъ напоминалъ чудовище. Теперь въ немъ не видно было никого; казалось, что онъ самъ двигается. Только наверху смѣло стоялъ матросъ.

Сперва «Черноморець» шель совершенно тихо, но, проѣхавъ мимо насъ, онъ открылъ огонь, разогнавшій польскихъ пулеметчиковъ, и онъ свободно прошелъ черезъ мостъ.

Послѣ его ухода началась орудійная стрѣльба. Большевики, вѣроятно, успѣли поставить орудія на лѣвомъ берегу и стрѣляли въ нашу сторону. Снаряды летали надъ деревяннымъ домикомъ, и насъ угнетала мысль погибнуть въ минуту избавленія. Но вскорѣ стрѣльба утихла и возобновилась только подъ утро.

А на разсвѣтѣ мимо насъ прошелъ первый польскій солдатъ.

Варшава. Іюнь—августъ 1920 г. Май 1921 г.
